

A futuristic spaceship with glowing blue lights is flying over a massive, layered cityscape. The sky is a bright orange, suggesting a sunset or sunrise. The city is built on a steep, rocky slope, with various structures and pathways visible. The overall scene is dramatic and futuristic.

ДЕРЕК КЮНСКЕН

«Технологии меняют нас –
даже наши тела – самым
фундаментальным образом,
и Кюнскен прекрасно это
показывает».

Лю Цысинь

КВАНТОВЫЙ ВОЛШЕБНИК

fanzon

Дерек Кюнскен
Квантовый волшебник
Серия «Fanzon. Наш выбор»
Серия «Квантовая эволюция», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61304027
Квантовый волшебник: Fanzon; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-111987-4

Аннотация

Белизариус – созданный биоинженерией Homo quantus, сбежавший с родной планеты. Чтобы удовлетворить потребности своего квантового интеллекта, он занимается сложнейшими многоходовыми аферами. Когда клиент предлагает ему неисчислимое богатство за переброску военных кораблей нового типа через вражескую червоточину, он осознает, настолько велик объем работы. Ему понадобится команда из всех новых подвидов человечества и ИИ. А если афера удастся, он спровоцирует межзвездную войну, но успех также может указать путь к следующему шагу эволюции Homo Quantus.

Содержание

1	4
2	19
3	25
4	29
5	38
6	51
7	73
8	78
9	82
10	88
11	104
12	112
13	120
14	129
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Дерек Кюнскен

Квантовый волшебник

1

Белизариус Архона был, возможно, единственным из мошенников, проводящим параллели между своими хитроумными махинациями и квантовым миром. Если смотреть с точки зрения частоты, электрон оказывается волной. Если с точки зрения момента импульса – частицей. Гангстер, желающий влезть в торговлю недвижимостью, обязательно найдет продавцов, оказавшихся в беде. Простофиля, желающий нажиться на купленном бое, обязательно найдет бойца, готового лечь. Природа питает наблюдающего тем, что он ищет, и так квантовый мир превращается в реальный. Белизариус скармливал простофилям то, что они сами хотели увидеть, превращая их алчность в ошибки, которые им дорого обошлись. Иногда ему приходилось делать это под дулом пистолета. Если быть точным, то пистолет лежал на коленях Эвелин Пауэлл в процессе их разговора.

– Что за кислый вид, Архона? – спросила она.

– Никакой не кислый, – мрачно ответил он.

– Я помогу тебе реально разбогатеть. Больше не надо будет побираться, с этим твоим шоу фриков, – сказала она, ши-

роко махнув рукой.

Они сидели в полумраке, в самом низу выстроенного из глазурованного кирпича цилиндра, вмещавшего принадлежащую ему галерею искусств Кукол. Центр галереи пронзала колонна, обвитая спиральной лестницей с площадками. Картины, скульптуры, немые фильмы – все это было выставлено в кирпичных нишах, и ими подобало любоваться с расстояния в три метра, от края лестницы до стены. Белизариус стал куратором первой в истории выставки, официально разрешенной Федерацией Теократий Кукол. Запахи, освещение и звуки представляли посетителям эстетическую сущность религиозных переживаний Кукол. Высоко наверху, у входа, раздавались неритмичные щелчки плети.

– Мне нравится искусство Кукол, – сказал он.

– Значит, сможешь купить больше, когда разбогатеешь.

– Не получится предметы искусства из тюрьмы покупать.

– А мы и не попадемся, – сказала она. – Не дрейфь. Если это сработает здесь, то сработает и в моих казино.

Пауэлл была зажиточным владельцем казино в Порт-Барселоне. И нарушила блокаду карликовой планеты Олер, чтобы проверить истинность слухов о чудесах, творимых Белизариусом, разошедшихся в преступном мире. И сейчас она потыкала дулом пистолета в колено, чтобы привлечь его внимание.

– Но ты не был со мной полностью честен, Архона. И я до сих пор не уверена окончательно, что тебе удалось взломать

ИИ «Фортуна». Я видела, как люди пытались сделать это. Я платила людям, чтобы они это сделали. Каковы шансы на то, что ты, безвылазно сидя здесь среди Кукол, сделал это?

Он позволил ей пребывать убежденной в своей правоте в течение двух вдохов-выдохов – восемь целых одну десятую секунды. Затем, в соответствии с ее ожиданиями, опустил взгляд, заработав еще одну секунду ее терпения.

– Никто не может взломать ИИ «Фортуна», – признался он. – И я тоже. Я смог проникнуть в ветку системы безопасности и впихнуть туда крохотный кусочек кода. Большой нельзя было, тогда бы остальной ИИ это заметил, но это крохотное изменение внесло свой вклад в расчетное матожидание.

Во взгляде Пауэлл светилась напряженная работа мысли: шансы того, что этот секрет поможет победить ИИ «Фортуна»; количество казино с уязвимой веткой системы безопасности; что именно изменил Белизариус в этой ветке.

Матожидания были сутью того, с чем работали ИИ «Фортуна». Технологии настолько опередили азартные игры, что любое казино могло бы с легкостью раздевать своих клиентов. Или, в свою очередь, клиент мог разорить лишнее должной защиты казино. Наличие защиты в виде ИИ «Фортуна» стало знаком качества. В сочетании с продвинутой системой наблюдения, ИИ обрабатывал данные датчиков в видимом световом диапазоне, инфракрасных, ультрафиолетовых, рентгеновских и ультразвуковых. В реальном времени

анализировал матожидания выигрышей и их последовательности. Для клиентов это служило гарантией честной игры. Для казино – защитой от шулеров.

– Ветки системы безопасности тоже не взломаешь, – сказала Пауэлл. – У меня есть люди, которые этим занимаются.

– Не взломаешь, если хакер недостаточно проворен для того, чтобы перехватить пакет данных в процессе передачи, и изменение должно быть небольшим, – ответил Белизариус.

ИИ «Фортуна» *был* невзламываемым, в том смысле, о котором говорила Пауэлл. Как и все ИИ, поскольку они постоянно развиваются. Либо развиваются сами, либо получают небольшую коррекцию извне.

Пауэлл некоторое время думала над его словами.

– Мои люди близки к этому, но у нас пока что нет системы, чтобы это реализовать, – сказала она. – Использовать температуру тела – гениальный трюк.

Где-то вдали снова раздался щелчок кнута. Ему тихо отозвался тихий стон религиозного экстаза Куклы.

– Мои люди говорят, что ты весьма сообразителен, – продолжила она. – Что ты один из Номо quantus. Это правда?

– У тебя хорошие источники, – ответил Белизариус.

– Тогда что же суперсообразительный Номо quantus делает в этой заднице человеческой цивилизации?

– У меня были плохие реакции на медикаменты, позволяющие Номо quantus наблюдать квантовые штуки, – ответил он. – Они меня выгнали. Банки не хотели платить придурку.

– Ха! Придурку. Поняла тебя. Долбанные Банки.

Белизариус хорошо умел лгать. У него была идеальная память, а еще любой Номо quantus был в состоянии одновременно вести несколько потоков мыслей. В большинстве случаев не играло роли, какой из них настоящий, до тех пор, пока они не пересекались.

– Давай уже сделаем это, – наконец сказал он, показывая на таблетки в ее ладони.

– Ты же не собираешься отравить только что обретенного партнера, не так ли? – с ухмылкой сказала она. Но за этой ухмылкой скрывалось нечто очень жесткое.

– Если хочешь, найди интерферон где-нибудь еще, у своих, – ответил он.

Она качнула головой и закинула в рот две таблетки.

– Мои импланты не дадут мне умереть от жара.

Вероятно, это было правдой. Его мозг принялся рассчитывать дозировку и токсичность, с учетом доступных на «черном рынке» имплантов, которые у нее, скорее всего, имеются. Он позволил части своего мозга продолжать эти расчеты, не завидуя ее возможности преодолеть приступ жара. Кроме того, подобные импланты у него самого все равно бы не сработали.

Жар у Пауэлл начнется очень быстро. Он трижды объяснил ей суть трюка, должна была уже понять. Температура тела на два градуса выше нормы не превысит порог срабатывания системы безопасности казино, однако активирует ста-

тистические алгоритмы в ветке безопасности ИИ. ИИ «Фортуна» сочтет, что ее шансы на выигрыш выше, и, когда она станет выигрывать, сигнал тревоги не зазвучит. Именно для этого она и прибыла в такую даль в Свободный Город Кукол.

– Пошли, – сказала она. У нее изо рта шел пар. – У меня мурашки по коже от твоей галереи.

Они поднялись по спиральной лестнице, минуя зловещие экспонаты, которые так привлекали области тщательно сконструированного мозга Белизариуса, ответственные за поиск закономерностей, не запуская заложенные глубже математические алгоритмы. Сложные мошеннические схемы оказывали на него точно такое же действие.

Снаружи было холоднее. Идти им предстояло девять целых шесть десятых минуты, за это время температура у Пауэлл поднимется до нужного уровня. По мере того как они шли, окружающая обстановка становилась поприятнее. Свободный Город Кукол представлял собой муравейник, состоящий из уходящих в глубь ледяной коры Олера пещер. Некоторые были отделаны кирпичом. Другие – просто ледяные, заляпанные остатками еды и питья. Большая часть тоннелей была плохо освещена, повсюду громоздились смерзшиеся кучи мусора.

Свободный Город жил азартными играми, которые шли везде, начиная от ниш в стенах и столиков для игры в крэпс на улицах и заканчивая заведениями, которые имели смелость называть себя казино. Казино «Блэкмор» было

единственным, оборудованным ИИ «Фортуна», так что оно привлекало обеспеченных клиентов. Ледяные улицы в его окрестностях были относительно чисты и ярко освещены. Белизариусу нравилось, как кислотно-зеленые и светло-голубые огни, смешиваясь, отражались от любой отполированной ледяной поверхности.

Вдоль брошенных жилищ и магазинов стояли ряды Кукол-попрошак, в кое-как построенных Коробках Для Игрушек и Клетках, с протянутыми руками. Они были похожи на людей белой расы, староевропейских, вот только уменьшенных вдвое. Одна истощенная женщина-Кукла даже поставила перед собой складной столик, на котором были настоящие Профитролы, правда, давно высохшие в камень. Белизариус кинул ей несколько стальных монет. Пауэлл скривилась и пнула столик прямо на женщину. Та разразилась ругательствами.

– Разве она не должна была меня поблагодарить? – сказала Пауэлл, хохоча.

– У Кукол все не так просто.

– Архона, ты лишен чувства юмора.

Они уже подошли к казино «Блэкмор». Живые охранники сканировали клиентов жезлами, придавая казино ощущение элитности по сравнению с автоматическими сканерами у других.

– Расслабься.

Сканирование заняло девять целых девять десятых секун-

ды, целая вечность для его мозга. Деньги текут в казино согласно градиенту, точно так же, как в природе энергия передается по градиенту, от молекул с высокой энергией к тем, что с низкой. Жизнь существует за счет градиентов: растения используют градиент между солнцем и камнем; животные используют градиент между ростом и разложением. Преступники оплетают казино, будто лианы дерево.

Где бы ни тек поток денег, всегда найдется тот, кто захочет отвести себе от него ручеек. Даже в совершенно «чистых» казино конвергентная эволюция привела к появлению новых людей, готовых попытаться облапошить либо казино, либо его клиентов. Можно подкупить крупье. Можно пойти на сговор с хозяевами казино. Шулер может изобрести новый трюк. Так что наличие ИИ «Фортуна» стало критическим фактором. Если не будет доверия клиентов, порожденного неуязвимостью «Фортуны», поток чистых денег прекратится.

Пауэлл протиснулась вперед него. Он пошел следом, за столик для крэпса. Боксмен был одним из их подсадных, как и крупье. Он и Пауэлл тайно повстречались с ними вчера, в галерее. Дождавшись своей очереди, она дала «проходную» линию, а затем протянула крупье кубики. Тот закатил глаза и шумно выдохнул. Пауэлл улыбнулась, ее щеки горели. Первым ходом выкинула семь. Это было лишь начало.

Трое других игроков дали свои «проходные» линии и поставили дежурные ставки. Крупье принял дежурную ставку

Пауэлл в сотню конгрегатских франков на «щетку» и подвинул ей новый комплект кубиков. Кубики были сделаны Белизариусом. Внутри них находились наноконпоненты в жидком состоянии. Прозрачная жидкость внутри кубика совершала фазовый переход от небольшого изменения температуры, делая грань кубика с единицей тяжелее. Кубик сначала лежал под яркими лучами света рядом с крупье, а теперь оказался в горячих от лихорадки ладонях Пауэлл.

Пауэлл выкинула две шестерки. Стоящие по сторонам радостно закричали.

Следующий игрок взял кубики холодными пальцами. Женщина подула на них, на удачу, у нее изо рта шел пар. Семь. Вышла. Следующий выкинул три. Зеваки снова радостно закричали. Последний выкинул десять и тоже вышел.

Пауэлл сжала и разжала пальцы, а потом сунула их себе под мышки. Дернула подбородком, показывая крупье, что снова ставит на «щетку», и щелкнула пальцами, прося кубики. Крупье подвинул их ей. Долгие секунды она держала кубики в горячих ладонях, закрыв глаза, словно в молитве, а затем бросила их.

Зеваки разразились радостными криками, снова увидев две шестерки.

Пауэлл ухмыльнулась крупье. Боксмен, судя по всему, ожидал, что ИИ «Фортуна» поднимет тревогу, но этого не произошло. Он повернулся к столу и кивнул крупье. Белизариус сделал довольный вид. Лежа на столе, кубики мгно-

венно охлаждались, преимущество города, выстроенного в глубине льда. Единственный оставшийся игрок сделал комбинированную ставку, но выкинул девять. Вышел. Все внимание сосредоточилось на Пауэлл.

– «Щетка», – сказала она и протянула боксмену пачку банкнот. Тот приподнял брови от удивления. Десять тысяч конгрегатских франков, небольшое состояние, в дополнение к несколько меньшему, которое она только что выиграла.

– Спокойнее, – прошептал Белизариус. – Ты уверена, что не желаешь повременить?

Она взяла кубики, крепко держала их в ладонях десять секунд, а затем бросила к самому ограничителю. Выпали две шестерки. Зеваки вскинули руки, радостно крича, Пауэлл смеялась, оглядываясь по сторонам. А затем ее лицо окаменело, и она медленно опустила руки.

Позади них стояла женщина-Кукла, молодой священник. С белой кожей Старой Европы и светлыми волосами. Восемьдесят пять сантиметров ростом, но сложением как нормальный человек в миниатюре, и с броней поверх одеяния священнослужителя. За ней полукругом стояла дюжина солдат епископской гвардии в бронированных скафандрах, которые придавали им сантиметров десять роста. Они опустили винтовки, наставляя их на Пауэлл и Белизариуса. Клиенты казино медленно попятнулись. Некоторые, вскрикнув, бросились к двери. Белизариус и Пауэлл оказались в ловушке.

Белизариус вскочил и ринулся к задней стене казино. Женщина-священник выхватила пистолет, раздались громкие выстрелы. Люди вокруг завопили. На боку Белизариуса появились дымящиеся дырки, брызнула кровь. Он упал на ледяной пол, и кровь начала лужей растекаться вокруг него, почти сразу замерзая. Белизариус умоляюще поглядел на Пауэлл, но она окаменела от ужаса. Остальные клиенты, пригибаясь, побежали к выходу. Священник и гвардейцы не обращали на них внимания.

– Эвелин Пауэлл, вы арестованы за богохульство, – заявила священник-Кукла.

У Пауэлл упала челюсть, и она сморщила лоб.

– Что?

– Шулерство в казино «Блэкмор» является богохульством, – сказала Кукла.

Пауэлл с отчаянием поглядела на потолок, откуда должен был раздаться сигнал тревоги, если бы ИИ «Фортуна» заметил какое-либо мошенничество в игре. Махнула рукой.

– Мне просто везло!

И тут зазвучал сигнал тревоги, и на Пауэлл упал луч прожектора. Она что-то беззвучно говорила, шевеля губами, а один из гвардейцев завел ей руки за спину и разоружил ее. Ее увели под прицелом винтовок, подталкивая дубинками. Еще девяносто шесть секунд потребовалось остальным гвардейцам, чтобы выпроводить перепуганных клиентов и закрыть казино.

– Энрике, у тебя просто ледяной пол, – сказал Белизариус, вставая и потирая руки.

Боксмен, с кожей оливкового цвета, спрыгнул со скамейки у стола для игры.

– А ты не ложись.

Невезение и большие долги во владениях Англо-Испанской Плутократии заставили Энрике укрыться в этой заднице обитаемого космоса, где он и нашел себе работу в казино «Блэкмор». Иногда он помогал Белизариусу. А сейчас Белизариус распахнул пальто, доставая оттуда устройство, проделавшее дыры в ответ на холостые выстрелы. Из него все еще текла поддельная кровь.

– Хорошая работа, Розали, – сказал Белизариус.

Розали Джонс-10 даже еще не стала священником. Ей осталось год или два адептата, но в мире нерадивых, чуряющихся любой работы Кукол никому не было дела до того, что она иногда одевалась священником и привлекала свободных от службы гвардейцев в качестве грубой силы. В ответ она ткнула кулаком в руку Белизариуса. Достала не слишком высоко, но главным в этом был боевой дух.

Из офиса вышли мужчина и Кукла. Кукла был хранителем национальной сокровищницы, святого места, в котором когда-то играл в азартные игры Питер Блэкмор. Куклы много чего назвали в честь Блэкмора, но в данном случае это было оправданно. Мужчина был следователем корпорации «Фортуна» Англо-Испанской Плутократии. Он пожал руку

Белизариусу.

– По Англо-Испанскому законодательству мы бы никогда не арестовали Пауэлл, – сказал он.

– Поблагодарите Адепта Джонс-10 и законы Кукол о богохульстве, – сказал Белизариус, показывая на священника.

– А еще лучше, – сказал Энрике, проталкиваясь вперед и протягивая Белизариусу жетон, – отблагодари нас, не мешаясь под ногами, когда мы станем делить ставку Пауэлл.

Затем Энрике протянул Белизариусу планшет, и тот перевел ему две тысячи франков. Энрике ухмыльнулся. Розали протянула свой, и Белизариус перевел ей три тысячи. Ей надо заплатить гвардейцам, лже-бизнесменам, которые им помогали, церковную десятину и чиновникам Констебулярии Кукол.

– У тебя на очереди никакой работы нет, босс? – спросила она.

Белизариус покачал головой. Не было, на самом деле. Этот трюк был хорошим, отвлекающим от будней, но остальные, на примете – совершенно повседневные, по мелочи. Ничего, что реально заняло бы его мозг.

– Все потихоньку, но если будет еще работа, обязательно тебя позову.

Хранитель святылища казино угостил всех выпивкой, удовлетворенный тем фактом, что репутация казино на некоторое время вырастет. Не самый лучший вариант, но, учитывая эмбарго, под которым находились Куклы, – хоть что-то.

Энрике ушел, как и следователь. Хозяин казино занялся возобновлением работы. Белизариус и Розали заняли кабинку и воспользовались только что полученными деньгами, чтобы посильнее включить обогреватель и купить выпивку получше. Они были родственниками в своей необычности, она – Кукла, или, точнее, Номо рира, и он, Номо quantus. Розали была молодая, смышленная и любопытная.

– Этот парень действительно из Корпорации «Фортуна»? – удивленно спросила она.

– Во плоти, – ответил Белизариус. – Как, ты думаешь, я добился того, чтобы система не среагировала на шулерские кубики?

– Я думала, что ты реально хакнул ИИ, – смущенно сказала она.

– Этого никто не может, – сказал он, взбалтывая выпивку в бокале. Ему не нравилось лгать ей. Слишком она невинная, слишком доверчивая. – В «Фортуне» знали, что люди Пауэлл близко подобрались к тому, чтобы хакнуть их ветки безопасности, и еще не нашли решения проблемы. Им надо было вывести ее из игры, настолько надо, что они согласились временно инсталлировать плохой ИИ в «Блэкморе». Им потребуется не один день, чтобы инсталлировать новый, но, с их точки зрения, дело того стоило.

У Розали было еще несколько вопросов насчет мошеннических схем. Похоже, для нее все это еще было неким чуждым миром, хотя она и уже помогла им в четырех схемах,

не считая удара по Пауэлл. Беседа переходила с одного на другое и постепенно вернулась к вопросам теологии. В этом вопросе Розали была сильным собеседником.

Ее мышление выстраивало четкие логические линии оброны, защищающие безумие Кукол, и о теологии она могла говорить не умолкая. Это заставляло Белизариуса четче оформлять свои собственные вопросы о природе человечества, а его логические построения обычно побуждали Розали к новым размышлениям. К полуночи они прикончили две бутылки и обсуждали три ранние этические модели Епископа Крестона. Белизариусу хватило и того и другого, и он отправился домой, слегка разочарованный.

Его неугомонный ум инстинктивно считал камни в арках, отмерял ошибки в углах сочленений стен и крыш, подмечал постепенный износ, который никто не устранял. Магнитные органеллы в его клетках ощущали неравномерности электрических токов вокруг, а мозг подсчитывал гипотетические вероятности отказов различных городских систем. Мозг не стал бы этим заниматься, если бы все его мелкие трюки с этими чужими ему людьми могли насытить созданное биоинженерией любопытство. Это были доходные дела, но они были для него слишком просты, слишком малы, чтобы разогнать его тоску.

В слуховом импланте раздался голос ИИ, управляющего галерей:

– С вами кто-то хочет встретиться.

2

Белизариус остановился. Он не слишком много сделал, чтобы за ним наемного убийцу послали, но в последнее время он залез в карман преступникам достаточно высокого уровня. Даже если исключить вероятность киллера, вполне возможно, что некоторые из них могли бы заплатить хотя бы за то, чтобы его хорошенько побили.

– Покажи, – проговорил он про себя.

ИИ спроецировал изображение в его зрительный имплант. Появилась галерея в виде цилиндрической схемы сооружения из глазурованного кирпича со спиральной лестницей, пронзающей ее середину. По лестнице вверх-вниз ходили последние посетители, перешептываясь, останавливаясь в освещенных зонах на площадках, чтобы рассмотреть стоящие в нишах картины, скульптуры и даже немые фильмы. Изображение выделило и увеличило человеческую фигуру в вестибюле наверху.

Ее кожа была на много оттенков темнее, чем у него, а черные волосы были туго убраны в неудобный узел. Казалось, она не слишком понимает, куда себя девать. Она стояла, неловко заложив руки за спину, но широко расставив ноги, что означало готовность к действию. На ней были туника из магазина готовой одежды и свободные брюки не вызывающего, но и не консервативного покроя.

– Суб-Сахарский Союз? – спросил он.

– Не знаю, – ответил ИИ. – Проверяю ее финансовые связи. Надо ли провести генетический анализ?

– Вооружена? – спросил Белизариус и снова зашагал вперед.

– Нет. Однако у нее есть некоторые неактивные импланты, предназначение которых я не могу определить, – ответил ИИ.

Белизариус увеличил изображение, разглядывая выражение лица женщины.

– Сколько она стоит?

Он дошел до приземистого кирпичного здания из спеченного реголита, вросшего в ледяные тоннели Боб-тауна, пригорода Свободного Города Кукол. Внутри этого здания, глубоко уходящего под лед, находилась его галерея искусств.

– Не могу определить кредитный лимит, но у нее есть один контакт с аккаунтом, принадлежащим консульству Суб-Сахарского Союза, – сообщил ИИ.

Суб-Сахарский Союз представлял собой небольшое государство-клиент, занимающее две планеты и несколько промышленных обитаемых станций на другой стороне «червоточины» Фрейя. Государство-покровитель снабжало их бывшими в употреблении боевыми кораблями и оружием. Взамен Союз проводил военные экспедиции и исполнял гарнизонные обязанности в интересах покровителей. Они никогда не были в числе клиентов или объектов мошенничества Бе-

лизариуса, равно как и не обладали репутацией силы, о которой ему стоило бы беспокоиться.

Он открыл дверь и вошел в вестибюль у входа на спиральную лестницу. Белизариус торговал легальными и нелегальными предметами искусства Кукол и курировал первую выставку, официально разрешенную Теократией. Запахи, освещение и звуки составляли основу религиозного опыта Кукол, и Белизариус выбрал в качестве фона для экспозиции легкий цитрусовый аромат пота Кукол. В полумраке внизу эхом отдался щелчок кнута. Похоже, женщина осознавала все происходящее вокруг, но ее это совершенно не волновало.

Она была выше Белизариуса на добрые десять сантиметров, и у нее был пронзительный взгляд. Стойка ожидания сменилась, она развернула плечи, опустив руки по бокам. В этой позе не было ни намека на отдых. Она была будто натянутый лук.

– *Месье Архона?* – спросила она.

– Меня зовут Белизариус, – ответил он на *французском* 8.1.

– Меня зовут Айен, – сказала она. – Мы можем поговорить наедине?

В ее французском сквозил странный акцент.

Ледяные стены тоннеля были покрыты кирпичами из спеченной астероидной пыли, что создавало иллюзию тепла. По меркам Олера, жилье Белизариуса было роскошным – несколько спален, большая обеденная зона и гостиная уров-

нем ниже. Стены и потолок были белыми, безо всяких украшений. Обеденная зона была безукоризненно чистой, а в гостиной было очень мало мебели. Минимум зрительной стимуляции.

Управляющий помещением ИИ включил мягкое цветное освещение и отопление. На столе стояла бутылка рисовой водки соджу, меж двух бокалов. Белизариус спустился в гостиную, плюхнулся на диван и знаком показал Айен, чтобы она присела.

– Насколько приватен наш разговор? – спросила она.

– Помещение защищено. В любом случае Куклы не слишком любопытны, когда дело не касается Запретного Города.

Ее лицо осталось напряженным.

– Вы хотите обеспечить секретность сами?

Она прищурилась и достала небольшое устройство. Оно выглядело недавно сделанным, но конструкция у него была антикварная, тридцатилетней давности.

– Мультиспектральный генератор белого шума? – спросил Белизариус.

Она кивнула.

Белизариус посмотрел на прибор с некоторым сомнением. Системы слежения, разработанные в последнее десятилетие, наверняка способны взломать этот генератор, но она и сама должна об этом знать. Айен включила генератор, и Белизариус услышал в слуховом импланте, как фоновый сигнал от ИИ стал еле слышным. Раздался сигнал тревоги, опове-

щая, что система слежения его жилища обнаружила серьезные проблемы. Интересно. В его мозгу возникли новые вопросы.

– Нам нужен опытный мошенник.

Белизариус налил соджу в две стопки.

– Вы опоздали на пять лет, – ответил он. – Я нахожусь в духовном поиске.

– Нужные люди говорили, что вам удавалось невозможное.

Она наклонилась к бокалу, сдерживая резкость движений. Осторожно приняухалась, а затем осушила бокал.

Белизариус запоминал ее произношение. Подобно генератору белого шума, ее диалект тоже был антиквариатом, ранним вариантом *французского 8*. Откуда же он такой? В его импланте были записаны все акценты, диалекты и варианты французского, но ее акцент не совпадал ни с одним из них.

– Это очень лестно и очень неточно, – ответил он. – Я не знаком с теми, кто занимается мошенничеством. Полагаю, все они в тюрьме.

– Люди называют вас волшебником.

– Не в лицо.

– Моему работодателю нужен волшебник.

Она глядела на него настолько пронзительно, что это выводило из себя. Его мозг принялся выстраивать закономерности, теории, абстракции на тему личности Айен и ее неизвестного работодателя. Почему он не может определить ее

акцент? На кого она работает? Кем она его считает?

– И какого рода волшебство ей требуется? – спросил Беллизариус.

– Ей нужно кое-что провести через Кукольную Ось. С противоположной стороны сюда.

– Грузовые корабли Кукол постоянно ходят через Оси Аксис Мунди, – ответил он. – Им все равно, что вам надо перевезти, только платите.

– Мы не можем позволить себе ту цену, которую они потребовали.

– Если вы не можете позволить себе эту цену, то вы тем более не можете позволить себе нанять меня.

Ее взгляд стал еще жестче. Тетива лука натягивалась.

– С деньгами у нас проблем нет, – ответила она. – Но им нужны не деньги.

– Куклы любят, когда им платят оружием.

– Они хотят половину, – сказала Айен.

– Половину чего?

– Половину из дюжины боевых кораблей.

3

У Белизариуса было три дня на то, чтобы отказаться. У него не было ни малейших идей насчет того, как провести эскадру боевых кораблей через Кукольную Ось. На самом деле это выглядело как отличный способ погибнуть, но ему нужна была сложная задача. Его беспокойный мозг хватался за любую задачу, с которой было лучше не связываться, когда его должным образом не нагружали.

Так что он пересек «червоточину» Кукол на одном из их коммерческих кораблей и вышел в Порт-Стаббсе, в трехстах двадцати световых годах от Свободного Города Кукол. Не взял с собой ничего особенного, только дюжину пар связанных частиц, спрятанных в пуговицах его костюма. Все остальное, что ему понадобится, скорее всего, обеспечит ему Иеканджика. Они встретили его в Порт-Стаббсе в гражданской одежде, майор Айен Иеканджика и Мосуди Бабеде, военный атташе консульства Суб-Сахарского Союза.

Арендовав портовый буксир, они увезли Белизариуса. Затемнили окна и посадили его в задней части рубки, чтобы он не видел показания приборов. Вероятно, они не слишком много знали о Номо quantus, пытаясь скрыть, куда они направляются. Магнитное поле пульсара Стаббс, слабое, как у всех пульсаров, вибрировало в магнитосомах клеток Белизариуса, служа ему Полярной звездой и давая его мозгу пищу

для навигации в пространстве. По прошествии пятидесяти шести и одной десятой минуты магнитосомы уловили другое магнитное поле, обволакивающее их. Снаружи было нечто большое, достаточно большое, чтобы быть военным кораблем. Звон снаружи корпуса сигнализировал, что крепление было не только электромагнитным.

– Мы не выходим? – спросил Белизариус после того, как они провисели без движения еще тридцать три секунды.

– Мы создаем искусственную «червоточину» к Экспедиционному Отряду, – ответила Иеканджика.

Свет угас, и все вокруг замерло. Буксир вздрогнул, когда военный корабль, внутри которого он находился, дал малый ход, а затем снова застыл в неподвижности на двадцать две и четыре десятых секунды. Затем причальные захваты выключились. Буксир снова оказался в открытом космосе, и Белизариус ощутил магнитное поле Стаббса.

Оно стало намного слабее, следовательно, они оказались дальше от пульсара, где-то в одной десятой светового года, в Облаке Оорта, где кружили кометы и зародыши планет. Окна рубки стали прозрачными, и Белизариус уставился в головокругительную черноту своими телескопическими зрительными имплантами. И увидел дюжину боевых кораблей, занимавших две сотни километров космического пространства. Импланты фокусировались на залитых светом звезд и ходовых огней образах, увеличивая их.

Старые корабли Конгрегации; такие военные корабли бы-

ли кораблями второго эшелона лет шестьдесят-семьдесят назад. Белизариус насчитал два фрегата, девять крейсеров и один линкор, настолько маленький, что в современных флотах его бы вряд ли даже отнесли к линейным кораблям.

Прищурившись, он увеличивал изображения, приглядываясь. Не все здесь такое старое. Потертые от времени плиты корпусов соседствовали с новыми, блестящими, на корпусах виднелись странные блистеры. И двигательные секции странной формы. Корпуса от носа до кормы пронизывали странные широкие трубы. Это не обычные двигатели.

Магнитосомы уловили странный прерывистый сигнал, эфемерные последовательности, исходящие не от буксира. Сложно было точно определить их сквозь корпус, но ощущение не было привычным, как от сильного магнитного поля. Оно обладало богатой текстурой, будто сложной зернистостью от наложения множества полей, взаимодействующих в квантовой суперпозиции, слишком тонкой, чтобы обнаружить ее привычными приборами. Что это такое?

Микромир вселенной всегда кипит квантовыми неопределенностями. Для каждой частицы и волны на субатомном уровне параллельно существуют взаимоисключающие вероятности, сталкиваясь, взаимодействуя и в каждое мгновение создавая паутины вероятных причинных цепочек, историй взаимодействия частиц и полей, которыми кипит лишенный наблюдателя хаос. Но на макроскопическом уровне хаос всегда сглаживается. Но не сейчас. Белизариус никогда не видел

столь устойчивое и сложное квантовое взаимодействие. Его сердце заколотилось от возбуждения.

Бабеди причалил буксир внутри одного из верхних ангаров флагмана. В условиях невесомости Белизариус неуклюже двигался вслед за Иеканджикой, через соединительный тоннель и дальше, по коридорам линкора, в которых пахло людьми и пластиком. Электромагнитное поле корабля давило на его магнитосомы, скрыв от него таящуюся снаружи загадку.

4

Контроль над своим любопытством, заложенным в него биоинженерией, никогда не был сильной стороной Белизариуса, и ему пришлось заставить себя не суетиться. Иеканджика переделалась в военную форму. Проглядывающая во всех ее движениях и позах настороженность, так плохо вязавшаяся с гражданской одеждой, теперь оказалась совершенно гармоничной. Она повела его в комнату для совещаний. Белизариус неуклюже хватался за кольца на стенах, в невесомости, и время от времени, не рассчитав движение, едва не попадал ногами по пухлолицему сержанту военной полиции, двигавшемуся следом за ним. Добравшись до комнаты для совещаний, Иеканджика резко крутанулась, усаживаясь в кресло, и пристегнулась. У Белизариуса это заняло куда больше времени. Женщина прищурилась, нетерпеливо глядя на него, пока он неуклюже застегивал ремни. Перед ними появилась голограмма со схемами корабля и подробным тактическим анализом ситуации у Порт-Стаббса. За те мгновения, пока Иеканджика подбирала слова, Белизариус запомнил все изображения.

– Что вам необходимо знать для того, чтобы выработать план прохода эскадры через Оси? – спросила она.

– Урок истории, – ответил Белизариус. – И, вероятно, политики. Ваш скромный флот выглядит несколько устарев-

шим. Что делают эти корабли здесь, так далеко от дома?

Судя по всему, Иеканджика боролась с некими внутренними сомнениями.

– Это началось очень давно, – наконец ответила она. – Сорок лет назад.

Белизариус понял, что уставился на нее.

– Сорок лет назад политкомиссары Конгрегации дали Союзу указание отправить военную разведывательную экспедицию в глубину владений Срединного Царства. Это должно было послужить провокацией. Я сомневаюсь, что кто-нибудь думал, что Шестой Экспедиционный Отряд выживет.

– Ваш отряд пошел в другую сторону?

– Экспедиционный Отряд выполнил задачу, – с горячностью ответила Иеканджика. – Несмотря на все опасности. Однако во время ее выполнения определенные наблюдения натолкнули наших офицеров на разработку нового типа двигателя. Очень продвинутого двигателя. По условиям нашего Соглашения Покровителя и Клиента, мы были обязаны передать это покровителям.

– И политкомиссары прознали об этом изобретении, – заключил Белизариус.

– Поэтому мы арестовали политкомиссаров, – ответила она. – И нашли всех тайных спящих агентов, которых конгрегаты внедрили в наши ряды. А затем вышли за пределы владений Срединного Царства.

– Чтобы дойти до Стаббса за сорок лет, вам пришлось ид-

ти через глубокий космос напрямую, минуя все известные «червоточины» Осей Мира, – сказал Белизариус.

– Нам пришлось разработать новые двигатели и встроить их во все наши боевые корабли.

– И как работают ваши двигатели?

Иеканджика прищурилась, оценивающе глядя на него. Она ему не доверяет. Следовательно, вероятно, не была согласна с решением связаться с ним.

– Ваши люди решили нанять мошенника, а не решать проблему военным путем, – сказал он. – Разведчики Союза должны были сначала перебрать всех частных тайных агентов в окрестностях эпсилона Индейца. Позвольте угадать. Они не нашли никого, кто либо не работает на вражескую сторону, либо не имеет достаточного стимула, чтобы продать вас.

– Бабеди сказал мне, что Homo quantus – новая человеческая раса созерцательного склада ума. Вы не производите впечатления человека созерцательного.

– Мне не слишком нравится быть последним, на кого пал чей-то выбор, – ответил Белизариус. – На что способны ваши корабли?

Иеканджика не глядя коснулась пальцем прозрачной наклейки на запястье. Такого интерфейса Белизариус еще не видел. Освещение в комнате погасло. Голограмма флагмана «Мутапы» увеличилась.

Светло-голубые линии демонстрировали классический

корабль флота Конгрегации, который был последним словом техники восемьдесят лет назад, вполне мощным и конкурентоспособным шестьдесят лет назад, но сорок лет назад его превзошли новые корабли. Изменения в конструкции были очерчены светло-желтым. Продольная ось корабля была полностью перестроена, превратившись в полый цилиндр, и надстройки смотрелись на нем будто колония ракушек, которыми обросла толстая труба.

– Это новый тип двигателя, – сказала Иеканджика. – Он не использует реактивную массу, так что у него нет скорости выхлопа, которую можно было бы измерить, однако тяга эквивалентна скорости выхлопа в полмиллиона километров в секунду.

– Что? – выпалил Белизариус.

Иеканджика смотрела на него дерзко и гордо.

– Это скорость, которой не достигал ни один двигатель в истории цивилизации. Что это такое? – спросил Белизариус.

– Вам достаточно знать лишь его параметры.

– Совсем не достаточно. Вы использовали двигатель внутри «червоточины»? Столь экзотический двигатель внутри тоннеля в пространстве-времени может быть очень опасен.

– Мы перемещали корабли через искусственные «червоточины», – ответила Иеканджика. – Но никогда не включали внутри них эти двигатели.

– Так что же в нем такого?

Ее взгляд нервировал его. Белизариус посмотрел на схе-

му, больше ради того, чтобы поглядеть на цвета, чем на очер- тания, которые он уже запомнил. Это как со ставкой в кар- точной игре. Иногда нужно вовремя промолчать.

– Это инфлатоновый двигатель, – наконец сказала она.

– Что?

Она ухитрилась удивить его дважды в течение десяти ми- нут.

– У вас нет знаний, необходимых, чтобы понять, как он работает.

– Вероятно, – согласился Белизариус и прищурился. – Не увеличите?

Он увидел, как она шевельнула пальцем, и изображение «Мутапы» увеличилось, заполняя всю комнату.

– Не повернете ко мне кормой? – спросил Белизариус.

Ее пальцы пошевелились иначе, чем до этого, и изобра- жение повернулось на девяносто градусов. Он глядел сквозь пустоту внутри боевого корабля на противоположную стену. С этого ракурса блистеры по бортам выглядели больше, чем при виде сбоку.

Инфлатоновый двигатель. Интересно, не лжет ли она. Обычно он мог угадать такое. Судя по всему, нет. Как им это удалось? Инфлатоны представляли собой частицы, от- ветственные за непрекращающееся расширение Вселенной. В некоторых теориях волна расширения считалась самопод- держивающейся, сродни эффекту убегания. Двигатель мо- жет их попросту уничтожить. И потребление энергии долж-

но быть громадным. И тут он понял.

– Виртуальные инфлатоны, – сказал Белизариус.

Иеканджика дернулась.

Виртуальные частицы представляли собой пары частиц и античастиц, существующие в течение очень короткого отрезка времени, а затем снова исчезающие в небытии.

– Номо quantus неплохо понимают, что такое виртуальные частицы, – добавил он.

Это было изрядным преуменьшением. Океан виртуальных частиц, пенящийся в каждой точке пространства-времени, создавал изрядный шум, который Номо quantus приходилось отфильтровывать, воспринимая мир. У Иеканджики был кислый вид, будто она решила, что сказала лишнего.

– Не беспокойтесь, майор. Вы не выдали никаких секретов. Вы создаете пару виртуальных частиц, на мгновение расширяя пространство-время, и до того, как пространство сожмется до прежнего размера, ваш корабль получает поступательный импульс, не так ли?

– Вы опасный человек, Архона, – сказала она.

Белизариус не мог в точности понять, означают ли ее слова, что она готова выхватить пистолет и размазать его мозги по стене.

– И как много других Номо quantus способны на подобные догадки?

– У большинства Номо quantus расщепление личности и очень нестабильная психика, – солгал Белизариус. – Они мо-

гут работать лишь в тишине, при минимуме сенсорной стимуляции. Один из сотни способен жить в миру, подобно мне.

– Но большинство ваших сородичей способны на такие логические прорывы?

Белизариус покачал головой.

– Большинство Номо quantus настолько непрактичны, что считают космологию слишком прикладной наукой, чтобы спорить о ее вопросах. У меня всегда были более практические интересы, чем у них.

– Опасно иметь множество интересов, Архона.

– Тогда мы можем разом устранить все опасности. Почему двигатель на вашем корабле открыт спереди? Это же не прямоточный двигатель. Он не работает на межзвездном веществе.

На этот раз она выгнула брови и скрестила руки на груди.

– Вы мне и скажите, волшебник.

Белизариус глядел на голограмму «Мутапы», размышляя над ней, будто над картой в покере, которую разыгрывала Иеканджика против Конгрегации. Если ему нужно будет разыгрывать игрока, а не карты, то первый пункт информации таков, что Иеканджика слишком хорошо думает о своих картах. Против гегемонической силы Конгрегации блеф не работает, значит, она считает, что у нее выигрышные карты. Почему?

Шестому Экспедиционному Отряду сорок лет, а его корабли и оружие устарели еще до того, как он отправился в

поход. Количественно, корабль на корабль, они и сорок лет назад часа бы не продержались в битве против нации-покровителя. Сейчас же, на своих переоборудованных кораблях, они жаждали вернуться в ряды нормальных цивилизаций, это просто висело в воздухе. Они не тосковали по дому. Они мечтали о войне за независимость, а никто не начинает войны, если не думает, что может в ней победить.

– Разверните изображение на сто восемьдесят градусов, – сказал он.

Снова движение пальцев над полоской на запястье, и голограмма корабля повернулась к нему носовой частью. Будто жерло орудия. Его мозг, мозг Homo quantus, всегда выискивавший закономерности и симметрии, выдал новую ассоциацию. Двигатель без топлива, орудие без снаряда.

Инфлатоновая пушка. Двигатель разгонял корабль за счет частиц, существующих пикосекунды, пар инфлатонов и антиинфлатонов, возникающих в трубе. А на что способны эти частицы, окажись они за пределами двигательной системы?

– Какова разрушительная сила вашей инфлатоновой пушки? – наконец спросил он.

– Не ваше дело, – ответила Иеканджика, но на ее лице промелькнуло самодовольство.

Как же Экспедиционному Отряду удалось так продвинуться в своих разработках? Быть может, они натолкнулись на какой-то артефакт Предтеч и раскрыли его тайны? Сорок лет – большой срок, но недостаточно большой для того,

чтобы изобрести все, что они изобрели. Даже сам по себе инфлатоновый двигатель на десятилетия опередил все, что создано цивилизацией. Масштаб проделанной работы, масштаб ее политических и военных последствий немыслимы. Это далеко за пределами его обычных дел – дурачить бизнесменов и гангстеров. Честно говоря, вообще за пределами его способностей, по всей вероятности. А еще он не сомневался, что если он возьмется за дело и потерпит поражение, майор Иеканджика не сочтет за потерю времени всадить ему пулю в голову.

– Задача – провести двенадцать кораблей через Кукольную Ось, – принялся рассуждать он. Будучи сформулированной вне политического контекста, задача уже не казалась столь немыслимой. – Какова оплата?

Иеканджика поменяла изображение. Появился небольшой корабль, нарисованный желтыми линиями.

– Каков его размер? – спросил Белизариус, наклоняясь вперед и натягивая ремни.

– Пятьдесят три метра от носа до кормы, – ответила она.

Изящный небольшой корабль, узенькая кабина, двигатели холодной тяги, грузовой отсек и системы жизнеобеспечения, выстроенные вокруг трубы. Маленький корабль с инфлатоновым двигателем. Любая из наций-покровителей все отдаст за такой корабль.

5

Белизариус понятия не имел, стоит ли ему браться за это дело, но от него пока что не требовали ответить. Иеканджика вывела его в коридор, где их по-прежнему ждал офицер военной полиции. Белизариус попытался ухватиться за ручки, но сделал это неуклюже, потом панически дернулся, и его закружило посередине коридора так, что он не мог достать ни до одной из стен. Он тяжело вздохнул.

– Давненько в невесомости не был, – сказал он. – Не откажусь от помощи.

Полицейский презрительно скривился и протянул руку. Белизариус схватился за нее обеими руками, будто утопающий за канат, смог наконец дотянуться до ручек на стене и двинулся по коридору, аккуратно перебирая руками. Стены из выцветшего углепластика выглядели неуютно и давяще. Будь здесь небольшие цветные источники света, ощущение стало бы теплее. Иеканджика остановилась, прижала ладонь к сенсору, и в стене с рокотом открылась дверь. За ней была полутемная каюта, размером с пару гробов.

– Мы перевели офицера в общие казармы, чтобы вы чувствовали себя здесь почетным гостем, – безо всякого намека на иронию сказала Иеканджика.

У него душевая кабина в Свободном Городе Кукол была больше, чем эта каюта.

Белизариус вплыл внутрь и развернулся лицом к Иеканджике. Ее карие глаза смотрели на него с вызовом.

– Вам не победить Конгрегатов, – наконец сказал он. – А когда они обо всем этом пронюхают, занервничают все нации-покровители.

– Займитесь своим волшебством, а мы сделаем остальное.

Она жестко поглядела на него, но затем немного смягчилась.

– Я ничего против вас не имею, Архона, – сказала она. – Вам просто не доводилось жить с чужим сапогом на горле. Вы принимаетесь рассуждать о проблемах, которые копились десятилетиями. *On n'est pas maîtres dans nos maisons...* – произнесла она старую поговорку, не закончив ее. «Мы не хозяйева в своих домах...»

Зарокотал механизм, и дверь закрылась. Тусклая панель на потолке осветила выцветшие от времени серо-коричневые стены из углепластика. К одной из стен был пристегнут спальный мешок для сна в невесомости. За перегородкой с ручками с другой стороны был крохотный умывальник и галлюн. В воздухе пахло потом. Наверняка есть камера, чтобы следить за ним. Паранойя Союза была осязаема, как и их страстное желание победить. Осторожно открыв спальный мешок, Белизариус влез внутрь и пристегнулся. Выключил свет и закрыл глаза, но мысли продолжали хороводом кружить в его голове.

Суб-Сахарский Союз хочет начать войну за независи-

мость против самой могучей нации во всей человеческой цивилизации. И им потребовался опытный мошенник, чтобы доставить их секретное оружие туда, где его разнесут в ключья. На первый взгляд не слишком привлекательная перспектива.

Более того, Иеканджика в чем-то врала, причем совершенно неумело. Вероятность того, что один-единственный ученый Союза внезапно совершил открытие, позволившее создать двигатель нового типа, ничтожно мала. Где же они нашли этот их инфлатоновый двигатель и их новое оружие? Ему требовалось хорошо все обдумать.

В течение одиннадцати поколений биоинженеры совершенствовали мозг Homo quantus, наделяя его способностями в области математики и геометрии, дополненными эйдетической памятью. Уже это позволяло создать детей, способных на впечатляющие ментальные трюки, но для того, чтобы сладить с глубочайшими концептуальными проблемами космоса, Homo quantus требовалось большее.

Применив ДНК электрических угрей, Homo quantus наделили электрическими пластинами, пучками мышечных волокон, расположенными под ребрами, которые действовали подобно батареям. Белизариус направил слабый постоянный ток в левую лобную долю своего мозга, ответственную за восприятие речевой информации и чужих переживаний, а также обработку данных органов чувств. Спустя мгновения его способность осмысливать тонкости языков и социального

поведения резко ослабла, равно как и чувства обоняния, вкуса и осязания. Одновременно с этим возросла активность правой передней доли, усиливая способность креативного математического мышления и пространственное воображение до уровня выше гениальности. Homo quantus называли это состояние savant¹.

Белизариус направил электрический ток в магнитосомы, органеллы в клетках мышц, содержащие внутри себя микроскопические кольца железа. Его окружило слабое магнитное поле, позволяя ему ощущать наполняющие «Мутапу» электрические и магнитные поля. Металлические петли на панелях стен искажали его собственное магнитное поле. То же самое делали металлические провода в выключенном компьютерном мониторе. И камера наблюдения, спрятанная в углу крохотной каюты. Белизариус начал изменять собственное магнитное поле, анализируя отклик от камеры. Простенькое, тупое устройство, работающее лишь в видимом диапазоне.

Развернувшись спиной к камере, Белизариус убрал голову в спальный мешок, делая вид, что спит. И в темноте спального мешка достал крохотную пластиковую полоску, которую снял с руки служащего военной полиции. Давненько ему не приходилось что-нибудь красть – кошелек, монету, жетон. Уж не потерял ли он навык.

Полоска представляла собой полупроводниковое нанотехнологическое устройство, встроенное в проницаемую для

---

¹ Savant (*фр.*) – безумный гений.

воздуха полосу углеткани. Гибкая. Слегка блестящая. Питается от движений тела. Белизариус прижал полосу к своему левому запястью. Засветилось небольшое изображение. Сегодня Белизариус намеренно дважды попросил Иеканджику повернуть изображение, чтобы запомнить ее движения пальцами. Она делала это уверенно, отработанно. Его же движения были медленными и неуверенными. На простенькой старомодной голограмме появился текст на французском. Полоска не была защищена паролем, что означало, что паролями будет защищено все остальное.

Если они обнаружат, что он копается в их сетях, его свидание с расстрельной командой состоится очень быстро. Надежда лишь на то, что у Шестого Экспедиционного Отряда и квантовые компьютеры тоже пятидесятилетней давности. У Белизариуса в голове был полный набор способностей для квантовых вычислений, но он нервничал. Он редко вкладывался в игру до такой степени. Однако ему необходимо знать, что есть у Союза, чтобы понять, стоит ли ему браться за эту работу и возможно ли вообще ее выполнить.

Когда-то опытный шулер по имени Гэндер научил его, что есть всего три способа играть.

Иногда ты разыгрываешь карты.

Иногда ты разыгрываешь игрока.

Иногда ты просто бросаешь кости.

Он принялся входить в сеть Союза. Над его рукой засветился желтым стандартный набор иконок: связь, общие

архивы, исследования, энергетические системы, оружейные системы, панели статуса, закрытые файлы. Появилось изображение протокола аутентификации, вопросительно помигивая. Наверняка квантовый пароль.

Мир вокруг него закружился, он переключил свое сознание на квантовую логику. Не то чтобы она стала менее точной, просто в ее рамках точность стала менее важна. Взаимодействия и отношения стали важнее идентичности и состояния. Расплывающиеся объекты окружили пульсирующие ауры. Звук стал богаче и глубже, измененный конструктивной и деструктивной интерференцией едва слышимых побочных нот. Отрезок времени, называемый настоящим, слегка расширился.

Его зрительные импланты вычитывали тончайшие фрагменты плотной текстуры информации изображения аутентификации. Код был сложен. Сознание Белизариуса в состоянии *savant* выполняло квантовые вычисления, долгие секунды борясь с новой задачей. Десять, двадцать, тридцать, он уже был уверен, что сейчас услышит сигнал тревоги. А затем голографические иконки позеленели.

Он ткнул нематериальное изображение иконки энергетической системы. В директории хранились данные инфляционного двигателя, характеристики ускорения, от которых глаза на лоб лезли, характеристики рассеяния тепла. Предельные значения параметров и детальная инструкция по обслуживанию, однако никаких схем или теоретических вы-

кладок. Эта информация, вероятно, хранилась в изолированной системе. Тупик.

Он полез в исследовательский раздел. Привычный к поиску закономерностей мозг сосредоточился на математических формулах и неоконченных обрывках физических теорий. Странно, но у Экспедиционного Отряда не было теории инфлатонов, они модифицировали нечто привычное, физику «червоточин», на базе которой и выстроили свои разработки. В их формулах не хватало той строгости, какая была в его теориях, которыми он занимался еще подростком, которая придавала им предсказуемость и аналитичность. Беспорядочные обрывки теории больше походили на любительское творение. Возможно, не стоит удивляться, немногие ударные военные отряды могут похвастаться наличием в своих рядах физиков-теоретиков.

Увидев календарь исследований, его мозг завис. Отчеты перекрывали друг друга по времени, вперед-назад. Испытания первого этапа были датированы 2499 годом, но четыре экспериментальные программы пятого этапа экспериментов начались в 2476-м, всего через год после того, как исчез Экспедиционный Отряд. Ведь первый этап экспериментов должен был быть закончен раньше, чем начался пятый, не так ли?

Занимались ли в Союзе тайными исследованиями задолго до того, как Отряд отправился в поход? Если силы Союза постоянно проходили через Оси Мира, принадлежащие Кон-

грегации, все время действуя под наблюдением находящихся на борту кораблей политкомиссаров, как бы они смогли сохранить это в тайне? Не смогли бы. Значит, они не начинали исследования до того, как улетели.

Он листал ссылки и заметки. Судя по всему, большая часть их исследований была посвящена физике «червоточин», причем некоторые из наблюдений не могли быть сделаны без доступа к стабильным «червоточинам», Аксис Мунди, Осям Мира, созданным Предтечами. По всей видимости, Экспедиционный Отряд нашел неучтенную нору.

Если так, это было бесценным сокровищем. Обладание одной из постоянно существующих «червоточин» было главным признаком нации-покровителя. Нации-клиенты, по определению, не могли иметь в собственности «червоточины», и по условиям Соглашения Покровитель-Клиент между Союзом и Конгрегацией любая вновь найденная «червоточина» сети Аксис Мунди должна была быть передана покровителям. Именно поэтому Экспедиционному Отряду пришлось исчезнуть.

В этом открытии было нечто глубоко личное для Белизариуса. Наблюдения, которые они сделали, если они правильны, открывали новое поле для исследований, тех, которые Белизариус бросил, много лет назад покинув свой дом. В нем всколыхнулись воспоминания, окрашенные неясной тоской. Но он отбросил эти чувства, чтобы сосредоточиться на текущей задаче.

Чехарда дат так и оставалась для него непонятной. Цепочки причин и следствий, от наблюдения к открытию и далее к новым этапам исследований, не сходились. Казалось, что многие из самых сложных открытий были сделаны в самом начале прошедших сорока лет.

Одна из директорий носила название «Центр Координации Исследований». В ней не было записей за последние три года, однако ранее там был размещен огромный объем информации. Просто какая-то плановая экономика в области научных исследований. Темы исследований были рассортированы по датам, результаты были записаны с более поздними датами. Физика «червоточин», разработка оружия, защитные технологии, технологии датчиков, двигательные системы, вычисления. Десятилетия исследований. Но вот когда результаты одних исследований вели к началу других, тут и начиналась чехарда с датами.

Белизариус настроил изображение так, чтобы его мозг лучше его воспринимал. Он предпочитал геометрическое отображение, желательно с четырьмя или более измерениями и векторами причинно-следственных связей от экспериментов к результатам, чтобы понять, где именно результаты экспериментов были встроены в следующий этап исследований. Голографический дисплей подчинился, изобразив гиперпространственный узел, который обычные человеческие мозги и глаза вряд ли развязали бы.

Перед Белизариусом появилось изображение фонтана,

фонтана света, состоящего из шести потоков; ось времени шла вертикально, и потоки шли вдоль нее. Сформулированные вопросы и эксперименты были внизу. Результаты экспериментов располагались выше, продвигаемые исследователями Экспедиционного Отряда, оставаясь в рамках каждого конкретного потока, не пересекающегося с остальными. За первыми результатами следовали новые эксперименты, новые результаты, снова эксперименты, а затем, где-то в 2487 году, чуть больше десятилетия с начала экспериментов, результаты экспериментов исчезали и появлялись внизу, в основании соседнего потока.

В основании.

В 2476 году.

Одиннадцать лет назад во времени.

Белизариус отказывался верить своим глазам. Дважды проверил датировки. Закономерности были слишком четкими, чтобы являться результатом неверной датировки или ошибок в работе базы данных. Его мозг был генетически выстроен для поиска закономерностей окружающего мира, однако биоинженеры довели эту способность до такой степени, что он часто находил закономерности там, где их не было. Постоянное сомнение в своих выводах было единственным, что удерживало его в рамках логики.

И тем не менее.

Альтернативой тому, чтобы всю оставшуюся ночь сомневаться в самом себе, было признать, что в Экспедиционном

Отряде нашли способ отправлять информацию в прошлое. Если это правда, то отделенные друг от друга потоки информации были способом обособления получаемых знаний во избежание нарушения законов причины и следствия. Исследователи в Потоке А в 2487 году не получали результаты собственных исследований из 2498 года. Эти результаты шли исследователям Потока Б. Аналогично результаты исследований в Потоке Б отправлялись в прошлое, исследователям Потока Ц, и так далее. И каждые одиннадцать лет цикл перезапускался.

Гениально. Ошеломляюще. У Союза было устройство для путешествий во времени.

За сорок лет они провели исследования не четырех десятилетий, а, возможно, четырех столетий. Союз начал с огромного отставания, но в результате обогнал все остальные нации. Если узнают о существовании устройства для путешествий во времени, все нации-покровители ринутся воевать за него. Если он возьмется за эту работу, результатом может быть война, которая охватит всю человеческую цивилизацию. Слишком много, чтобы воспринять зараз.

Белизариус нашел файлы с математической информацией об устройстве для путешествий во времени. Работы были напрочь лишены элегантности, но, поразмыслив над ними несколько минут, он понял, что в них описывается пара «червоточин», небольших, размером в считанные десятки метров, каким-то странным образом соединенных между со-

бой и создающих односторонний временной мост протяженностью в одиннадцать лет. Они нашли не одну «червоточину» Предтеч, а сразу две, соединившиеся в силу причудливой случайности небесной механики. Пара соединившихся «червоточин» способна проявить самые разнообразные эффекты квантовой интерференции, и, вероятно, это и есть источник того странного электромагнитного поля, который он ощутил на подлете к эскадре. «Червоточины» где-то рядом. И тут он вспомнил, что они диаметром всего в десяток метров. Экспедиционный Отряд укрыл их на одном из своих кораблей.

Он снова вспомнил те сигналы, которые ощутил, когда приближался к эскадре на буксире, с Иеканджикой и Бабе-ди. Принялся тщательно вспоминать каждый момент, подсчитывая, где мог быть их источник. Затем, для проверки, зашел в директорию и выяснил построение кораблей в эскадре. На момент их подлета рядом с источником магнитного поля со странной структурой был лишь один корабль. «Лимпопо». Сейчас он был более чем в двухстах километрах от него, слишком далеко, чтобы попытаться что-то ощутить. Так близко, и так далеко.

Белизариус вышел из корабельной сети и из состояния *savant*.

А затем снял с запястья полоску, свидетеля его преступления, и сжал согнутыми пальцами. Электрический ток из его электропластин потек сквозь его тело и вышел через изо-

лированные углеродные нанотрубки, ведущие к кончикам его пальцев. Полоска съежилась и превратилась в крохотный комочек пепла. Белизариус сунул его в разошедшийся шов спального мешка и растер в порошок, на всякий случай.

Наступило утро. Белизариус ни на миллиметр не приблизился к решению, принять ему эту работу или отказаться. Вне зависимости от того, преуспеет он или проиграет, кто-то погибнет. И наверняка не один человек. Возможно, погибнет весь Экспедиционный Отряд, возможно – еще больше. Однако в Союзе уже исполнены решимости сделать это, с ним или без него. Грядет война, настоящая, а не та холодная война, к которой они давно привыкли. Белизариус хорошо знал Кукол, настолько хорошо, насколько может знать их человек со стороны. Кое-что знал о «червоточинах». И не знал никого, кто смог бы помочь им лучше, чем он сам, пусть и пока не знал, как ему это удастся.

Служащий военной полиции пришел за ним и отвел в помещение, где на стенах висели скафандры. Майор Иеканджика уже была одета в один из них.

– Вам необходимо знать возможности Экспедиционного Отряда, – сказала она. – Я получила разрешение на это.

Белизариус неуклюже подплыл в невесомости к стойке со скафандрами и начал искать подходящий размер. В отсутствие тяготения у него ушло достаточно времени, чтобы одеться, он едва надел штаны, когда полицейский уже оделся полностью. Ему пришлось отпустить обе руки от стойки, чтобы снять одну из пуговиц со своей рубашки, и его за-

крутило. Иеканджике надоело на это смотреть, и она крепко ухватила его за предплечье, останавливая. Белизариус со смущенным видом убрал пуговицу в наружный карман скафандра и продолжил одеваться.

– Все в порядке будет, – сказал он, когда швы скафандра втянулись, герметизируясь.

Они вошли в шлюз и вышли в вакуум. Белизариус съежился. Он любил звезды, но ненавидел космос, а сейчас угольная чернота Вселенной открылась перед ним так, что у него начало жечь в животе. Пульсар Стаббс, в одной десятой светового года от них, мягко коснулся пальцами своего магнитного поля мышц Белизариуса. Нормальным человеческим зрением он был бы способен видеть около четырех тысяч звезд. Между ними простиралась пустота, безграничная и бесконечная. С использованием телескопических глазных имплантов он мог разглядеть впятеро больше, но и пространство меж звезд тоже увеличивалось, делая ощущение бездны впятеро сильнее. Ощущение как в состоянии фуги, бессознательной амнезии: видишь весь космос, не только осознавая его пустоту, но и становясь частью этой пустоты.

Рукой в перчатке он достал пуговицу из кармана скафандра и оставил ее рядом с бортом «Мутапы», в полнейшей неподвижности невесомости.

Ходовые огни «Мутапы» сияли резким светом, стирая цвета перчаток и рукавов его скафандра. Бортом к «Мутапе» в пустоте космоса висел другой военный корабль, в несколь-

ких километрах от них. Майор и полицейский подхватили Белизариуса под руки и оттолкнулись от «Мутапы». У него свело живот, и он с трудом сдержал крик, когда они полетели в пустоту.

Никакого шаттла. Никакого страховочного фала. Ничего.

Иеканджика и полицейский выполнили прыжок с идеальной точностью, а Белизариус был слишком перепуган, чтобы помешать им в этом, сделав неловкое движение. Теперь он замер, ощущая, как его время от времени слегка подталкивает в ту или другую сторону. Иеканджика и полицейский использовали газовые двигатели холодной тяги для коррекции траектории. До другого военного корабля не одна минута полета. Он летел сквозь вакуум, слыша лишь шуршание ткани о ткань в тех местах, где они держали его, да свое собственное частое неглубокое дыхание.

Какими же людьми надо быть, чтобы так прыгать с корабля на корабль? Белизариус не слышал, чтобы в каких-нибудь войсках выполняли подобные прыжки. Вряд ли они хотят произвести на него впечатление. Для этого они недостаточно его уважают. Быть может, новый военный маневр. Или тактика, порожденная скудостью ресурсов. Или тактика, разработанная исключительно ради своей необычности. Шестой Экспедиционный Отряд получил в свое распоряжение новые двигатели и оружие; почему бы не разработать и новые тактики боя?

Разыгрывать игрока, а не карты.

Они приблизились к другому боевому кораблю. На них навели лучи прожекторов, показывая траекторию движения к небольшому ангару, вход в который был окаймлен кольцом еле заметных огней. Новые силы, новое давление, он закружился, разворачиваясь ногами в сторону места посадки. И ощутил внизу сильное магнитное поле.

– Согните колени, Архона, иначе лодыжки сломаете, – сказала по радио Иеканджика.

Он сделал это. Корабль приближался с пугающей скоростью. Умом он понимал, что у них лишь та скорость, которую они набрали при прыжке, но инстинкты страхом сжали ему внутренности. А затем корабль поглотил окружающую их бесконечность, и их ноги со стуком ударились о его корпус. Дыхание хрипло отдавалось в ушах Белизариуса, колени подгибались.

– Черт подери, Архона! – сказала Иеканджика, вталкивая его в шлюз. – Можно подумать, вы никогда в космосе не были.

Белизариус покраснел. Они прошли шлюз.

– Это «Джонглей», – сказала она Белизариусу, когда он снял шлем. – Хороший корабль, достойный представитель кораблей Экспедиционного Отряда.

Цепляясь за кольца, они двинулись к мостику. Белизариус двигался медленно, но на этот раз без происшествий. На мостике они встретились с полковником Рухинди, командиром «Джонглея», женщиной под сорок, с очень темной ко-

жей и шестью горизонтальными шрамами на лбу. Мостик, казалось, давил своей тяжестью, странное ощущение в неведомости. У стен стояли шесть противоперегрузочных камер, формой похожих на гробы, с маленькими окошками из толстого стекла на том уровне, где должны были быть головы людей, забравшихся в них. Рухинди включила голографическое изображение посередине мостика. Белизариус неуклюже шагнул вперед, переставляя ботинки с магнитными подошвами, и взгляделся в него.

– Могу я посмотреть общий вид? – спросил он.

Полковник двинула пальцами, и изображение сжалось. «Джонглей» превратился в маленькую точку. Кроме него, на изображении был лишь один корабль, «Мутапа».

– А можно пошире перспективу? – сказал Белизариус. – Весь Экспедиционный Отряд.

Пальцы полковника снова шевельнулись, точки сдвинулись к центру, а по краям появились другие. На левом фланге висел флагманский крейсер «Нхиалик», за которым выстроились «Джуба», «Гбуду» и «Батембузи», подсвеченные оранжевым. На правом висели бледно-желтые корабли, броненосный крейсер «Лимпопо» и возглавляемые им «Омукама», «Фашода» и «Кампала». В центре, позади линкора «Мутапа», выстроились «Джонглей», «Нгуденг» и «Пибор».

Слабый ток из электропластин перевел его в состояние savant. Языковые тонкости и оттенки эмоций растеклись под ливнем геометрии и математики. Квантовое состояние было

таким легким, манящим. Он едва ощущал людей вокруг себя. Он им не нравится. Вероятно, он им не нравится. Но хоровод геометрии и математики похоронил оценочное социальное мышление.

Голограмма Экспедиционного Отряда стала сложной паутиной моментов инерции, расстояний, масс и сигналов, движущихся со скоростью света. Местоположение «Лимпопо», «Мутапы» и той пуговицы, которую он оставил плавать в вакууме, образовали вытянутый треугольник. Мелькнули цифры. Двести пятьдесят километров от «Лимпопо» до «Мутапы».

– Мне необходимо понять, что ваши корабли могут сделать с «червоточиной», – нерешительно сказал он. – Насколько быстро они могут создать нору, насколько далеко она может простираться, как быстро они могут совершить такой переход и как быстро системы придут в норму после перехода.

Белизариус не смотрел им в глаза. В состоянии *savant* смотреть человеку в глаза было все равно что смотреть в коробку с элементами головоломки, алгоритмы распознавания закономерностей в мозгу становились гиперактивны, обрабатывая изменения в выражении лица и выдавая ложноположительные результаты.

Полковник шевельнула пальцами, и корабль пронизал гул. У них под ногами внезапно появилась гравитация.

Жадный до логики и абстракций мозг Белизариуса при-

нялся пережевывать названия. «Мутапа». Энциклопедический имплант выдал нужную информацию сразу же. Средневековое королевство, основанное одним из принцев Зимбабве. Вскоре королевство Мутапа превзошло своих соседей и даже свое материнское государство. Мощное воображение. Мощный символизм. Если бы он мог это квантифицировать.

Союз выбрал для кораблей хорошие имена. Омукама, династия, правившая Угандой вплоть до девятнадцатого столетия. Не сметенная прогрессом, но шедшая в ногу с ним, династия оставила мощный след в культуре, ощущавшийся даже в эпоху формирования Суб-Сахарского Союза. Назвать боевой корабль в честь культурной столицы – мощный символизм. Настолько мощный, что за него стоит умереть? Белизариус не хотел умирать.

Как же ему все это квантифицировать? Должна быть своя алгебра для социума. Надо ему ее создать. Культурный контекст управлял Экспедиционным Отрядом, проецируя свою идентичность на служащих в Отряде людей. Они пребывали в этой идентичности с такой уверенностью, что Белизариус мог им лишь позавидовать.

Нгуденг, пророк народа Динка в девятнадцатом веке. У Динка был бог-творец по имени Нхиалик. Батембузи, средневековая империя, опоясывавшая район Великих озер. Гбуду, знаменитый царь племени Азанде в Южном Судане, чье имя означало «выдирающий внутренности».

Могучее воображение. Могучий символизм. Как же кон-

гребаты это упустили? Корабли Союза десятки лет носили эти имена. Это математика. Это физика человеческих отношений. Умножение эмоциональной энергии на патриотическую дает психологический момент импульса.

Иеканджика толкнула его, и он замер.

– Решайте, Архона, беретесь или нет, – повторила она.

Секундомер. Цифровой секундомер. У нее в руке цифровой секундомер. У нее в руке. Ее рука перед его лицом. Он в состоянии savant. Не забывать о вежливости.

– Благодарю вас, – сказал он. – У меня очень хорошее чувство времени. Мне он не нужен. Благодарю вас.

Он не смотрел ей в глаза. Она уже двинулась в сторону, качая головой. Сила тяжести увеличивалась.

– Мы идем на вашем инфлатоновом двигателе? – спросил он.

– Да, – ответила Иеканджика.

Он не ощутил изменения магнитного поля. Значит, двигатель не использует электромагнитное поле.

– Сейчас ускорение меньше половины «же», – сказал Белизариус. – А какое максимальное может дать двигатель? Десять? Двадцать?

Военные управляемые ракеты с ядерными двигателями в состоянии выдержать ускорение до сорока «же», поражая маневрирующие цели.

– Намного больше, – ответила она.

Настолько, чтобы улететь от ракеты? Психология и ско-

рость не имеют значения, двенадцать кораблей – это всего лишь двенадцать кораблей. У конгрегатов в одной эскадре кораблей больше. И у Конгрегации сотни эскадр. Приятно неумолимая математика. А еще все остальные технологии Экспедиционного Отряда – полувековой давности. Так плохо для Союза. Но они хотят именно этого. Ими движет культурный момент импульса.

«Джонгей» перестал разгоняться и развернулся на сто восемьдесят градусов. А затем перегрузка резко выросла, и у Белизариуса задрожали колени. Шатаясь, он подошел к стене, стараясь не потерять сознание. Он терял сосредоточение, состояние *savant* уходило. Иеканджика и Рухинди крепко стояли на ногах и со смехом смотрели на него. Нутро обожгло злобой. Не на них. На себя.

– Всего-то полтора «же», Архона, – сказала Иеканджика.

Он старался не терять нить мысли и цифры. «Мутапа», «Лимпопо». Координаты. Время в секундах. Ускорение. Сосредоточиться на координатах. Он сполз по стене и сел, уронив голову меж коленей. Плевать, что они о нем подумают.

После тридцати четырех целых семи десятых секунды перегрузка исчезла. Исчез гул. Исчез вес. «Джонгей» ушел от «Мутапы» на безопасное расстояние, чтобы создать временную «червоточину». Уловив движение пальцев полковника Рухинди, вахтенные, находящиеся в противоперегрузочных камерах, отключили системы.

– Откуда вы хотите сделать прыжок? – спросила Рухинди

по-французски, с сильным акцентом.

– Как далеко вы сможете перейти в сторону юга галактики? – спросил в ответ Белизариус. Это даст ему ответ сразу на два вопроса: на какую дальность и с какой точностью корабли Экспедиционного Отряда могут перемещаться через искусственные «червоточины».

Рухинди снова жестами отдала приказания. Белизариус шагнул вперед, неуклюже переступая магнитными подошвами. Появились голограммы внешней и внутренней обстановки. «Джонглей» выпустил магнитные катушки на носу, и Белизариус ощутил нарастающее магнитное поле. Девять тысяч гаусс. Десять. Четырнадцать. Двадцать одна.

У Белизариуса пошли мурашки по рукам и груди.

Шестьдесят тысяч. Сто тысяч. Двести восемьдесят тысяч гаусс.

Они превысили промышленный и медицинский порог уровня магнитного поля.

При напряженности поля в четыреста тысяч гаусс электромагнитное и гравитационное поля начинают взаимодействовать очень интересным образом. При правильной ориентации магнитного поля пространство-время начинает искривляться. Показания стабилизировались на уровне в пятьсот пятьдесят тысяч гаусс.

Прямо перед носом корабля пространственно-временной континуум начал вспучиваться, перпендикулярно трем измерениям физической реальности. Расплывающееся про-

странство выставило округлые выступы, будто ложноножки амебы. Конфигурация и фокусировка магнитного поля начали создавать трубу сквозь измерения, привыкшие находиться в свернутом состоянии. Нащупывающий палец двинулся вниз, вверх, а затем образовался узенький неустойчивый мостик, направленный в сторону юга галактики. Изображение позеленело. Они создали искусственную «червоточину».

Теперь наступил самый опасный этап. Шесть сотен метров «Джонглей», набитые под завязку термоядерными и атомными реакторами, да еще инфлатоновый двигатель предстояло провести через эту нору. Все должно было замереть, поскольку внутри «червоточины» не было места никаким естественным процессам. Она была чем-то вроде карандаша, который поставили на кончик. Отличие ее температуры от абсолютного нуля было в пределах принципа неопределенности. Практически любое взаимодействие могло ее разрушить. Этим она сильно отличалась от постоянных «червоточин» Аксис Мунди, Осей Мира, которые никогда не грозили поглотить путешествующие через них корабли при малейшей ошибке.

Основные и вспомогательные системы «Джонглей» были выключены, однако приборы показывали, что температура наружной обшивки корабля составляет сто пять градусов по Кельвину. По всему корпусу включились небольшие проекторы, придавая кораблю свойства излучения абсолютно черного тела и охлаждая его до немыслимого холода, так чтобы

тепловое излучение не потревожило «червоточину». В течение двух целых тридцати одной сотой секунды на подошвы Белизариуса давила перегрузка в одну десятую g, корабль немного разогнался, устремляясь в жерло норы.

Невесомость, затаенное дыхание. «Червоточина» закрыется позади них, подталкивая корабль вперед. Голографические экраны позеленели. Раздался тихий звон. Корабль задрожал по мере того, как включались его системы. Снова появился голографический боевой дисплей. Кораблей вокруг не было. По краям дисплея бежали колонки цифр.

– Треть светового года, – сказала полковник Рухинди.

Точное значение расстояния было выведено внизу голографического дисплея.

– Это предел того, на что способен «Джонглей»? – спросил Белизариус.

Иеканджика подошла ближе. Белизариус изо всех сил старался не смотреть на ее лицо.

– Это верхний предел того, на что готовы пойти офицеры и команда, даже в экстремальной ситуации, – сказала она. – Три флагманских корабля способны продвигаться несколько дальше.

– И как быстро «Джонглей» сможет совершить следующий переход? – спросил Белизариус.

– Основные и вспомогательные системы должны перезагрузиться, выполнить астроориентацию, оценить обстановку, выполнить финальную проверку точки назначения до то-

го, как снова выключиться, – ответила майор. – Хороший экипаж справляется с этим за десять минут.

– А что насчет слепого тоннеля? – спросил он.

– Что вы имеете в виду?

Белизариус уперся взглядом в ботинки, телом ощущая магниты в их подошвах.

– Без астроориентации. Программируя конечную точку по вычислениям.

– Это идиотизм.

– А что, если времени нет?

Он ждал. Иеканджика подошла ближе.

– Посмотрите на меня, – наконец сказала она.

Он продолжил ждать. Левая рука майора схватила его за ткань костюма. Темная кожа на фоне светлой ткани. Встряхнув его, она подтащила его к себе.

– Я сказала, смотрите на меня, Архона.

– Не могу.

– Что вы тут еще изображаете?

– Я не могу. Чтобы сделать что-либо полезное, Homo quantus необходимы внушительные математические способности. Мы можем запускать в себе таковые способности, на уровне гениальности, но для этого требуется отключать другие отделы мозга. Речь. Органы чувств. Навыки социального общения. Это обмен. Я сейчас в состоянии savant.

Он замер, так и не поглядев на нее. Принялся анализировать цифры, колонками и строками выстроившиеся на мо-

ниторах. Третью светового года. Нет, не треть. Ноль целых три два девять семь семь один четыре пять светового года. Наблюдения с помощью телескопов позволят дать еще большую точность.

– Что?! – требовательно спросила Иеканджика.

– Я не могу на вас смотреть, – отчетливо повторил он. – Чтобы сделать что-либо полезное, Homo quantus необходимы внушительные математические способности. Мы можем запускать в себе таковые способности, на уровне гениальности, но для этого требуется отключать другие отделы мозга. Речь. Органы чувств. Навыки социального общения. Это обмен. Я сейчас в состоянии savant.

Иеканджика с презрением отпустила его.

– Вы не мошенник, – сказала она. – И уж точно не солдат.

– Солдат из меня плохой, – ответил Белизариус. – Но мошенник – хороший. И мне, вероятно, удастся провести вас через Кукольную Ось.

– Как?

– Так что насчет слепого тоннеля?

– Мэм? – всплеснув руками, обратилась Иеканджика к командире. – Я не знаю, что ответить на такой вопрос.

Полковник Рухинди подвинулась ближе, не отрывая магнитные подошвы от пола.

– Что вам необходимо знать? – спросила она.

Белизариус тяжело вздохнул, сдерживая нетерпение.

– Мне необходимо знать, насколько далеко способен

прыгнуть «Джонглей», не используя астроориентацию. На основе расчетов.

Белизариус ощущал, как от нее исходят гнев, раздражение и что-то еще, что он не мог опознать. Социальный ландшафт, слишком сложный и непроницаемый, чтобы распознать его в состоянии savant. Рухинди скрестила руки на груди. Что это может значить?

– Безусловно, «Джонглей» может создать «червоточину», не используя астроориентацию, – ответила Рухинди. – Однако в этом нет прикладного смысла. В случае отступления командир в любом случае будет использовать все данные астроориентации. Выход из временной «червоточины» означает, что ситуация отступления закончена. Шансы того, что вражеский корабль сможет создать собственную «червоточину», выход из которой будет в пределах дальности боя его оружия от нашего выхода, стремятся к нулю.

Цифры в нижней части голографического дисплея гипнотизировали. Белизариус обдумывал их снова и снова. Нашел циклические ошибки, которые дали ему некоторую информацию о навигационных программах «Джонглей».

– Мне бы хотелось, чтобы «Джонглей» выключил навигационные телескопы и начал создавать новую «червоточину», – сказал он.

– Зачем? – возмущенно спросила полковник, добавив слово на каком-то другом языке. «Интересный говор, – подумал Белизариус. – Они что, между собой на языке шона раз-

говаривают?» Его мозг вцепился в языковые тонкости, будто взламывая шифр. Наверное, не так уж сложно будет разработать основы культурологической алгебры. Иеканджика встала прямо перед ним.

– Зачем нам все это надо, Архона? – требовательно спросила она. – У меня ощущение, что ты нас за нос водишь. Все твоё волшебство – лишь махание руками.

Хорошо, что она сама объяснила свои чувства. Так понять проще. Движения ее рук означали раздражение.

– Куда именно ты хочешь, чтобы мы «червоточину» сделали?

Он снял с костюма одну из пуговиц, и она блеснула в свете голографических экранов.

– Когда я надевал скафандр, то снял другую, такую же, – сказал он. – Оставил снаружи, рядом с «Мутапой», перед тем как мы отправились на «Джонглей». Внутри пуговицы магнитная ловушка, защищенная от тепловых воздействий, удерживающая одну из двух квантово связанных частиц.

Рука Иеканджики, крупнее его собственной, ухватила его за запястье и ткнула его же рукой с пуговицей ему в лицо. Ее лицо приблизилось к его. Белизариус вздрогнул, увидев сложное выражение на этом чернокожем лице. И почувствовал, как в него уперся ствол оружия.

– Ты оставил на «Мутапе» устройство слежения?

Она так зла. Злость была осязаема, она окутывала ее. Ему не нравилось, когда к нему так близко другой человек. От-

пусти.

– Это всего лишь связанные частицы, – сказал он. – Они не могут работать устройством слежения, если я сам это не сделаю. Никто и никогда не пытался такое делать. Я хочу попробовать, смогу ли я отвести «Джонглей» обратно к Экспедиционному Отряду, не используя вашу навигационную систему.

– У кого еще такие есть? – требовательно спросила Иеканджика.

– Ни у кого. Это связанные частицы. Пары уникальны.

Убрав пистолет, она показала на остальные пуговицы его костюма.

– Это тоже связанные частицы? – спросила она.

– Да, пары, – ответил Белизариус.

– У кого еще есть такая технология слежения?

– Это не технология слежения. Я даже сам не знаю, работает ли это.

Иеканджика отпустила его, раздраженно выдохнув.

– Вы искали волшебство, – сказал Белизариус.

– Мы искали способ оказаться на другой стороне Кукольной Оси.

– Тогда перестаньте меня сдерживать.

Иеканджика и Рухинди начали совещаться. Да. Язык шона. Затем Иеканджика подошла к нему и сняла с него пиджак, чтобы у него не осталось пуговиц, кроме той, которую он держал в руке.

– Их сложно изготовить, – сказал Белизариус.

– Что ты собираешься делать? – спросила Иеканджика.

– Номо quantus, переходя в состояние фуги, способны воспринимать квантовые поля, в том числе те, что соединяют связанные частицы, – ответил Белизариус. – Вероятно, я смогу отследить линию связи, идущую к другой частице, и дать вектор для создания «червоточины».

– Ты никогда такого не делал? – спросила она.

– Никто никогда такого не делал. Можете выключить систему навигации?

Главный голографический дисплей с заманчивыми узорами цифр исчез, остались лишь приборы, показывающие внутренний статус корабля.

– Вы можете переместить корабль? – спросил он. – Я знаю, где мы находимся.

– Ты не можешь этого знать, поскольку навигационный дисплей выключен, – сказала полковник.

– Я все запомнил, прежде чем его выключили.

Пальцы полковника дернулись, и вернулась гравитация, нарастая. Половина. Три четверти. Единица. Угол меняется. Они вращались и разгонялись по всем трем осям. Запутать его. Усложнить задачу. Отлично. Это его беспокоило менее всего.

Чтобы выполнить задуманное, ему предстояло войти в состояние фуги, полностью перестать быть собой. Он уже был на полпути к тому, чтобы стать кем-то другим. Savant

практически отключило все когнитивные функции, изменив его сущность путем временного повреждения мозга. Однако войти в состояние фуги означало не просто не быть никем. Он годами избегал этого состояния, бежал от него, как бежал и из родного дома. Сейчас у него дрожали руки. Он сунул кисти под мышки. Они смотрели на него. Смотрели на него.

Перестаньте на меня смотреть.

– Мне необходимы показания всех приборов относительно магнитных катушек, создающих искусственную «червоточину», настолько подробные, насколько это возможно, – тихо сказал он.

Виртуальная приборная доска исчезла, вместо нее появились диаграммы и графики. Напряженность, конфигурация и структура магнитного поля.

– Я могу получить доступ к конфигурации системы? – спросил он. – Мне необходимо выстроить отображение более логичным образом.

Компьютер «Джонглей» создал ему область ограниченного доступа, и Белизариус принялся переконфигурировать дисплеи, получая доступ к информации о магнитном поле с куда большей точностью, чем та, которой обычно пользовались пилоты корабля. Распределение температуры в катушках, их кривизна, поляризация магнитного поля, электрическое сопротивление и пучность силовых линий – все отобразилось в виде сложных геометрических диаграмм.

Тяготение вновь пропало. Относительная скорость стала

равна нулю. Иеканджика стояла рядом с ним.

– Что теперь собираетесь делать, Архона? – спросила она.

– Мне нужно, чтобы вы подождали, – ответил он. И добавил, услышав ее шумный вздох: – Так долго, как я скажу.

На заре развития квантовых теорий ученые и философы горячо спорили о смысле квантовой волновой функции и значении принципа суперпозиции состояний. Что это значит, когда один электрон вдруг проходит сразу через две щели? Реальность на атомарном уровне оказалась очень зыбкой. Эта ее зыбкость получила широкую известность на примере «кота Шрёдингера», кота, увязшего в паутине неопределенности квантовой реальности, потому что его судьба целиком зависела от наблюдателя. Некоторые доказывали, что кот становится частью квантового мира, одновременно пребывая в дуальных состояниях, и живой, и мертвый. Другие возражали, что результатом эксперимента будет создание новых вселенных, в одной из которых кот мертв, а в другой – жив. Обе интерпретации влекли за собой такой объем последствий, что в результате ни одна из них не была признана верной. А если бы была, то *Homo quantus*, и Белизариус в том числе, никогда не были бы созданы.

Проект *Homo quantus* родился тогда, когда открыли, что именно сознание является тем элементом, который разрушает квантовые ситуации до однозначной определенности. Люди, как обладающие сознанием существа, не могли напрямую наблюдать квантовые феномены. Как только они ста-

новились наблюдателями, кот оказывался либо жив, либо мертв, а электрон проходил через одну или другую щель, только одну. Суперпозиция и перекрывающиеся вероятности исчезали, как только на горизонте появлялись люди. Сознание превращало вероятное в существующее. Целью же проекта Номо quantus было создать человеческие существа, способные избавляться от сознания и личностности, дабы не разрушать квантовые феномены.

Для Белизариуса приближаться к состоянию фуги было все равно что идти к краю трамплина для прыжков в воду. Над поверхностью воды находилась личность, отражаясь в ней. В воде же его ожидало растворение, угасание личности. Нырнуть туда – означало стать частью окружающего, подобно космосу и звездам, подобно пустоте, перестать быть субъектом, способным испытывать переживания. Нырнуть – означало перейти в категорию вещей, являющихся набором правил и алгоритмов, лишенных разума, подобно насекомым и бактериям. Войти в состояние фуги означало стать одним из бесчисленных предметов в море неопределенностей квантового мира. У Белизариуса скрутило живот. Он стоял на трамплине, глядя на свое отражение. Уже десятилетие он не переступал край этого трамплина.

Вообще-то лишь совсем немногие Номо quantus были способны входить в состояние фуги, и то с очень большим трудом. Для них входить в состояние фуги было словно карабкаться по крутому склону. В этом им помогали тщатель-

но разработанные инстинкты, вложенные в них. Генетики из поколения в поколение усиливали инстинкты распознавания закономерностей и любопытство, выводя их на один уровень с инстинктом самосохранения.

В случае с Белизариусом они переборщили. Его потребность в обучении и понимании была едва ли не сильнее инстинкта самосохранения. Он не мог полагаться на свои инстинкты; они могли довести его до гибели. Невозможно было предсказать, что сотворит его мозг, когда исчезнет сознание. Состояние фуги было опасно для него. Но здесь и сейчас у него не было выбора. Ему был необходим работающий в полную силу *Nomo quantus*, а других, кроме себя, под рукой не было. И он прыгнул. Будто щелкнул выключатель, и Белизариуса как личности не стало.

Квантовый интеллект начал конденсироваться в отсутствие личности Белизариуса. Миллионы магнитосом поставляли ему миллиарды кубитов и кутритов информации о магнитном и электрическом полях. Интеллект начал создавать картину этих сигналов, во всей ее уникальной красоте суперпозиций. Квантовое восприятие ветвилось, расходясь в перекрывающихся вероятностях.

Требовалось проверить гипотезу. Может ли линия вероятности, соединяющая связанные частицы, обеспечить точное наведение искусственно созданной «червоточки» в нужную точку?

Квантовый интеллект ощутил тонкую нить вероятности, соединяющую связанные частицы сквозь бурлящий океан квантового мира. Нервные окончания в физическом теле Белизариуса образовали каскады преобразователей внутри клеток мышц, заставляя веретеновидные волокна вращать внутриклеточные магнитосомы, влияя на магнитное поле внутри пуговицы, удерживающее связанную частицу. Ядра связанных частиц начали вращаться, посылая друг другу непрерывный сигнал сквозь вероятностное поле и расстояние в треть светового года. Будто включился свет. Местоположение другой связанной частицы стало понятнее. Это и было примерным местоположением «Мутапы».

«Лимпопо» находился в двухстах двадцати пяти километрах в направлении против вращения, относительно Облака Оорта Стаббса, а внутри «Лимпопо» были две соединенные Оси Мира.

Квантовый интеллект начал отдавать приказания:

– Увеличить магнитное поле до четырехсот восьмидесяти тысяч гаусс. Довернуть катушку по правому борту на три и восемь градуса вниз. Уменьшить кривизну катушки на два сантиметра.

Личность Иеканджики приблизилась. Стоит неподвижно. Приглядывается. Выражение лица.

– Куда мы идем, Архона?

Квантовый интеллект стал повторять:

– Увеличить магнитное поле до четырехсот восьмидесяти тысяч гаусс. Довернуть катушку по правому борту на три и восемь градуса вниз. Уменьшить кривизну катушки на два сантиметра.

Перекрывающиеся вероятности становились все шире. Восприятие расширялось, одна световая секунда за другой.

Личность Иеканджики и личность Рухинди начали издавать звуки. Обработка аналоговой информации. Рост напряженности магнитного поля. Кривизна катушки по правому борту уменьшилась и дополнительно отклонилась от оси корабля. Форма поля корабля изменилась.

– Увеличить кривизну катушки по левому борту на один и семь сантиметра, повысить магнитную проницаемость сер-

дечника катушки на четыре микроニュтона на ампер в квадрате.

Пальцы личности Рухинди дернулись. Зарегистрирован код. Код взломан. Шестнадцатиричный шифр преобразования движений трех пальцев на французский 8.61.

Квантовый интеллект продолжил отдавать приказы:

– Повысить напряженность поля до пятисот тысяч гаусс.

Магнитное поле катушек давило на магнитосомы.

– Повысить напряженность поля до пятисот двадцати одной тысячи шестидесяти трех гаусс, увеличить кривизну катушки по левому борту на ноль сорок один сантиметра.

В пространстве-времени начала формироваться выемка, измерения разворачивались и расширялись. Выемка вытягивалась, превращаясь в горловину. Дернулись пальцы. Выключились системы. Давление магнитного поля катушек прекратилось. Квантовый интеллект снизил силу тока, идущего от электропластин к магнитосомам. Реактивные двигатели холодной тяги начали разгонять корабль. «Джонглей» вошел в искусственную «червоточину». Молчание. Космоса нет. Нет понятия «где». Нет ничего.

А затем «Джонглей» вышел в нормальное пространство-время. Включились дисплеи. В двадцати одном километре от них «Лимпопо» медленно плыл в космосе по орбите вокруг пульсара Стаббс. Голографический монитор высветил очертания «Лимпопо» желтым. Верхние грузовые ворота. Оружейные порты по правому и левому бортам. Внут-

ренный канал инфлатонового двигателя. Защищенные отсеки мостика и силовой установки. Рухинди присвистнула, выражая эмоции.

Сенсорные данные, воспринимаемые квантовым интеллектом, выросли. Новые закономерности вероятностей пронизывали интеллект, их вызывала плотная петля каузального потока. Интерферирующие Оси Мира, внутри «Лимпопо».

– Архона, если ты хотел вернуть нас обратно к «Мутапе», то промахнулся на пару сотен километров, – сказала Иеканджика.

– Неплохо, с расстояния в треть светового года, – сказала Рухинди, подразумевая, насколько мала ошибка в относительном смысле.

Это не было ошибкой. Интеллект точно направил искусственную «червоточину», чтобы получить возможность наблюдать интерференционную картину Осей Мира.

Личность Белизариуса встроила в квантовый интеллект приказ вернуть контроль над мозгом личности Белизариуса после перехода и надлежащих наблюдений. Но этот приказ обладал низким приоритетом по сравнению с возможностью получить огромный объем информации, продолжая наблюдение. Температура тела Белизариуса выросла до сорока одного градуса. Квантовый интеллект изменил приказ, оставленный личностью. Он будет вести наблюдения столько, сколько это будет возможно физически.

– Архона, я с тобой разговариваю!

Тряска. Угроза? Кубиты защищены от механических и термических воздействий. Квантовые вычисления будут продолжены, осознание продолжит расширяться.

– Он горячий. В лихорадке.

– В карантин?

– Не знаю. Не думаю, что он заразен.

– Он не может здесь оставаться.

– Капрал, тащи его в лазарет.

Руки отцепили от магнитных подошв магниты. Квантовый интеллект компенсировал это, направляя ток к магнитосомам. Физическое тело Белизариуса потащили прочь от голографических дисплеев, однако его восприятие продолжало нарастать. Он продолжит наблюдения, чтобы полностью проанализировать информацию о «червоточинах», это императив.

Температура сорок один и шесть.

Температура сорок один и семь.

8

На губах Белизариуса была засохшая рвота. В голове стучало. Он сунул пальцы под мышки, чтобы они не дрожали. Лихорадит. Желудок хотел еще что-то извергнуть, но в нем просто больше ничего не осталось. Он очутился в мире боли и пустоты, пронизанном безжалостным светом.

– Что с тобой, черт подери, случилось, Архона? – спросила Иеканджика. Скрипучий голос. Мощный. Элегантный акцент устаревшего французского, к которому он уже немного привык.

– Из вас ужасная сиделка, майор.

– Наш медицинский компьютер считает, что вчера вечером ты едва не умер, – сказала Иеканджика. – Дважды. Гиперпирексия.

– Чертов жар, – ответил Белизариус. Горло пересохло, как бумага.

– Компьютер не смог понизить тебе температуру. Диагноз: действие медикаментов или сепсис. А я не приказывала тебя отравить.

Белизариус застонал. Это что, шутка? Наверное, нет.

Свет, который резал ему глаза, исходил от единственной лампы на потолке. Что-то вроде небольшого лазарета, с тусклой отделкой, как у мастерской.

– Твой дар навигатора меня впечатлил, – сказала Иекан-

джика. – Однако я не вижу в этом смысла, а цена кажется мне слишком высокой.

– Я никогда и не говорил, что из меня хороший Homo quantus. Обычно мы входим в состояние фуги с несколько большим уровнем медицинского обеспечения под рукой.

– Значит, все Homo quantus настолько слабы физически?

– Будет честным признать, что я – результат ошибок, копившихся поколениями.

– Ты едва можешь нормально двигаться в невесомости, ты чувствуешь себя плохо, пытаешься сделать что-нибудь необычное, и ты промахнулся мимо «Мутапы», – продолжила Иеканджика. – Мы могли бы подойти ближе, при помощи собственных устройств навигации.

– Я понял, – простонал Белизариус. – Ты не согласна с решением о моем найме.

– Так точно.

– Тогда не нанимайте меня, если считаете, что я не справлюсь.

– Не вижу никаких признаков того, что справишься.

– Можно мне себя в порядок привести?

– У тебя все еще жар.

– Фуга никогда не длится больше пары часов, потом прекращается.

Иеканджика вышла. Компьютер принялся чистить его при помощи разнообразных манипуляторов.

Он никогда не погружался в квантовую фугу настолько

глубоко, никогда не доводил себя до такой лихорадки. При температуре тела выше сорока одного градуса даже квантовый интеллект не может адекватно сохранять память, и, похоже, он превысил этот порог. Дальнейший рост температуры тела привел к тому, что квантовый интеллект потерял когерентность. Физиологический эквивалент способа остановить поезд, врезавшись в стену.

Квантовый интеллект не имел намерения убить его. Он оценивал важность безопасности физического тела Белизариуса по принципу сравнения приоритетов. Видимо, некоторые из них оказались выше. Если бы Белизариус умер, квантовый интеллект тоже прекратил бы существование, но его это не волновало. В его запрограммированных инстинктах был изъян, который было невозможно исправить. Потрясающе грубое отношение со стороны сущности, державшей в руках его жизнь.

Однако он бросил кости, и он выиграл.

Следующий нырок в фугу он вряд ли перенесет, но последние двадцать четыре часа дали ему много полезной информации. Во-первых, данные Союза, которые он взломал, показывали, каким образом могут стабильно взаимодействовать две «червоточины». Во-вторых, теперь он знал, что квантовый интеллект в сочетании со связанными частицами и кораблем, способным создавать искусственные «червоточины», способен весьма точно перемещаться в пространстве. Намного точнее, чем при помощи навигационных си-

стем самого корабля.

У него начал вырисовываться план, как провести Экспедиционный Отряд на другую сторону Кукольной Оси. Но это всего лишь навигация. Розыгрыш карт. Разыграть Кукол будет куда сложнее. Они не лохи.

К вечеру лихорадка спала, и Белизариуса пригласили к ужину в кают-компанию. Приглашение исходило от генерал-майора Рудо, командующего Шестым Экспедиционным Отрядом. Белизариус никогда в жизни не бывал в кают-компаниях. Это казалось ему бессмысленным и старомодным. Формальное, регламентированное веселье – не веселье во все. Однако в семь вечера за ним пришел служащий военной полиции с кислым лицом.

На «Мутапе» включили двигатели, чтобы создать гравитацию в одну пятую естественной. Столы в просторной кают-компании были застелены старыми скатертями, но рядом с белыми тарелками и чашками лежали настоящие серебряные приборы. На стенах висели флаги Суб-Сахарского Союза, с которых убрали геральдический квадрат Конгрегации.

Белизариуса одели в коричневый мундир без знаков отличия. Флотские мундиры ничем особенно не отличались, металл и камни красного цвета в петлицах, на погонах и запястьях согласно званию, начиная с генерал-майора Рудо и заканчивая несколькими майорами, в том числе Иеканджикой. Но ни у кого не было медалей, даже у генерал-майора. Когда Белизариус спросил про это отличие от тех военных, которых ему доводилось видеть прежде, распорядитель, седоволосый полковник, объяснил ему, что никто не желает носить

медали, пока их народ живет под властью Конгрегации.

Затем полковник представил всем Белизариуса, и загадка насчет власти, которой обладала Иеканджика, несмотря на свое звание, тут же исчезла. Майор Иеканджика была младшей женой в семье из трех человек генерал-майора Рудо. Рослый полковник оказался мужем Рудо и Иеканджики. У Белизариуса не было особой надобности изучать особенности социальных отношений в Союзе, и он даже не понял, что они позаимствовали брак на троих у своих покровителей с Венеры.

На ужине присутствовали пара дюжин старших офицеров, в том числе полковники, командующие каждым из кораблей, подполковники и майоры, занимающие ответственные должности, и два бригадных генерала, командующие отрядами, на которые делилась эскадра. Все отнеслись к Белизариусу холодно. Они вели себя настороженно, то ли по отношению к нему лично, то ли – как к любому чужаку. «Наверное, я бы и сам сторонился чужих, проведя сорок лет в изоляции», – подумал Белизариус.

Его посадили по левую руку от генерал-майора, между Иеканджикой и дипломатом Бабеди, напротив бригадного генерала с жестким лицом. Офицеры расселись по обе стороны стола. Разговоры шли то с показным благодушием, то с деланой вежливостью. Капралы в парадной форме подавали скромные порции блюд. Тон разговоров постепенно повышался. Некоторые говорили по-французски, с акцентом,

но большинство – на языке шона. У Белизариуса этого языка в файлах не было, а расшифровать его он еще не успел.

Он и генерал-майор постепенно очутились в пузыре тишины. Женщина разглядывала его, не улыбаясь. Большая часть офицеров в кают-компаниии были ростом с Иеканджикку, но генерал-майор была миниатюрной, даже по сравнению с Белизариусом.

– За победу, генерал-майор, – предложил Белизариус, поднимая бокал. Женщина приняла тост, и следом за ней волной поднялись бокалы других.

– На вид он мне во внуки годится, – сказала Рудо Бабеди.

– Мистеру Архоне удалось вскрыть хранилище одного из крупнейших банков Плутократии и украсть оттуда экспериментальный ИИ, когда он еще подростком был.

– Это не доказано, – сказал Белизариус. – Мне даже обвинения не предъявили.

– А еще его разыскивают для допроса конгрегаты по подозрению в шпионаже, – добавил Бабеди. – Пострадали оборонные секреты Конгрегации.

– Обвинения были сняты, – сказал Белизариус. – Не было никаких улик, которые бы меня с чем-то связали. Я могу свободно перемещаться по владениям Конгрегации.

– Значит, у мистера Архоны есть привычка попадать в переделки, – сказала Рудо.

– И есть привычка выходить сухим из воды, а именно это нам сейчас и надо, мэ, – ответил Бабеди.

– Именно так, – согласилась Рудо.

– Что вы собираетесь делать на той стороне, генерал-майор? – тихо спросил Белизариус. – Конгрегаты очень захотят заполучить то, что у вас есть. И Куклы тоже.

– Пусть попытаются, – ответила Рудо.

Шум разговоров стих, офицеры прислушались к словам командующего.

– Сто двадцать пять лет назад Венерианское Государство подписало соглашение с Суб-Сахарским Союзом. За прошедшее столетие Союз выплатил свой долг, достойной службой и кровью.

– У Конгрегации много владений в системе эпсилона Индейца, – сказал Белизариус. – Два входа в Оси Мира, с крепостями. Линейные корабли, крупнее ваших крейсеров и больше числом. И, полагаю, у них в системе имеется дредноут.

– Имеется, – подтвердил Бабеди.

Они обрекают себя на смерть. Они все погибнут, если столкнутся с военным флотом Конгрегации, а он, Белизариус, им нужен для того, чтобы попасть туда, где они погибнут.

– Политическая позиция Конгрегации делает конфликт неизбежным, – сказала Рудо.

Раздались аплодисменты. «Слышишь! Слышишь!» – кричали друг другу офицеры. Белизариус почувствовал себя чужим. Выпил. Выпила и Рудо. Шум стих.

– Они называют тебя волшебником, – сказала Рудо. – И ты увидишь, чем мы можем заплатить на чуточку волшебства.

Какой у тебя план?

Он не несет за них ответственности. Он не отвечает ни за кого, кроме самого себя. Если они погибнут, это следствие их выбора. Они все сделали выбор. Белизариус поставил бокал. Разговоры стихли.

– При всем уважении, генерал-майор, я удваиваю предложенную вами цену.

Кают-компанию окутала тишина. Рудо приподняла бровь.

– Ни у кого нет такого быстроходного катера, который мы предлагаем, – сказала она. – Он и один – бесценен.

– Если я переправлю вас на другую сторону Кукольной Оси, я покойник, – сказал Белизариус. – Это не просто мошенничество, и вы – не обычный клиент. Политика и мошеннические схемы плохо сочетаются. Фактором цены становится мое выживание.

Рудо прищурилась, и на ее лице прорезались оставленные годами морщины.

– Чудесно. Так что ты придумал?

Белизариус допил портвейн.

– Главное – отвлечь лоха чем-то блестящим и заманчивым, заставить его подумать, что он тебя раскусил. Тем временем настоящие ходы останутся незамеченными.

– Продолжай.

– На блеск потребуются деньги, – сказал он. – Мне придется покупать корабли и недвижимость. Мне придется подкупать чиновников, и мне придется давать авансы наемным

ловкачам, лучшим в своем деле. Нам потребуются агент, эксперт по взрывчатке, пилот, уникальный специалист по электронике, генетик, вероятно – глубоководный ныряльщик и опытный мошенник.

– Мы должны быть в курсе всех подробностей планирования и исполнения твоей мошеннической схемы, – ответила Рудо. – Так что майор Иеканджика с радостью поможет тебе собирать твою команду.

– Безусловно.

– Тогда начинай объяснять, – сказала Рудо, улыбаясь с пугающей решимостью.

Спустя месяц.

Несмотря на блокаду, в порт Свободного Города Кукол прибывало множество кораблей, среди которых оказался и пассажирский лайнер «Сервантес». Сейчас «Сервантес» отошел от планеты на безопасное расстояние на ядерных двигателях, чтобы создать «червоточину». С предсказуемостью старого осла «Сервантес» мог безопасно создавать одну нору за сутки, переходя зараз по сто семьдесят пять световых часов в сторону Порт-Барселоны, вращающейся вокруг Новой Гранады.

Белизариус не смешивался с остальными пассажирами. Ему нравилось смотреть на звезды, самому создавать из них геометрические узоры, особенно когда он ощущал беспокойство. Масштаб задуманной аферы уже не слишком его беспокоил. Черeda опасных дел, перемежающихся периодами нерешительности и самоуглубленности, – вот наиболее адекватное описание всей его взрослой жизни. Более всего его беспокоила мысль о возвращении к остальным *Nomo quantus*.

Белизариусу было десять лет, когда он научился управлять электропластинами настолько, чтобы вызывать у себя состояние *savant*. Он доставлял истинное удовольствие наблюдавшим за ним молекулярным биологам и психологам,

пока не решил сбежать в возрасте шестнадцати лет. Он не был на Гаррете двенадцать лет. Так что продолжал находить утешение в разглядывании звездных конфигураций по дороге на Порт-Барселону.

В оранжевом свете эпсилона Индейца Порт-Барселона выглядела просторной, богатой и растущей, собрав в себе все, чего не было в Свободном Городе Кукол. На то, чтобы сходить в театр или на концерт, времени не было, как и попробовать новейшие генно-инженерные стейки в «Лас-Пампас». Вместо этого он арендовал небольшой одноместный реактивный корабль, чтобы добраться до Гаррета.

Англо-Испанские Банки столетиями экспериментировали, пытаясь усовершенствовать человека генетически. Номо quantus стали венцом их работы, *великим делом* биоинженерии и нейрохирургии, однако Белизариусу казалось, что результат оказался скорее смешным, чем полезным.

На самом деле он вообще сомневался, что Банки получили хоть какую-то пользу в области экономики или военного дела, реализуя проект Номо quantus. Вместо людей, которые были бы способны предсказывать экономический эффект или разрабатывать новые стратегии войны, сама суть квантового восприятия породила существ, склонных раздумывать о взаимодействии абстрактных вероятностей. Номо quantus проникали в глубь природы реальности, но увязали в паутине сложнейших идей, а не раздумывали над вопросами, могущими принести непосредственную пользу челове-

честву.

Генералы и главы Банков продолжали финансировать работы, но Homo quantus превратились в побочный исследовательский проект и со временем избрали себе уединенную обитель, изолированную от суеты политики, экономики и военных теорий. Базу проекта перенесли на большой астероид, обращаящийся вокруг эпсилона Индейца. Они высекли в его толще хрустальные сады и нарекли его Гарретом.

Белизариус настроил изображения, лежа в кресле пилота и глядя, как увеличивается астероид, изрезанный рисунком теней. Он не стал темной глыбой во мраке, напротив, он все больше казался чем-то воздушным. Сородичи Белизариуса опутали поверхность астероида паутиной маленьких цветных огней. Слишком маленьких, чтобы увидеть их издалека. Они сливались в тонкие линии зеленого, красного и синего, делая теплее ледяную поверхность астероида, маня красотой математических кривых и линий распределения вероятностей. Они сделали это освещение на поверхности не ради того, чтобы передать этими рисунками нечто полезное, и не потому, что Гаррет часто посещали, но просто потому, что это красиво. Его сородичи, созданные, дабы стоять на переднем крае экономических и военных стратегий, вместо этого украсили огнями поверхность своего дома, даже не имея возможности самим этим любоваться.

Белизариус внезапно почувствовал тоску по дому. Какие красивые рисунки.

У него закружилась голова, он нервничал, выходя из корабля. Автоматические системы досмотра и медицинского контроля пропустили его в поселение, в котором жило порядка трех тысяч ученых, внутри пещеры, стены которой были укреплены и подсвечены нанотрубками. Свет над головой был мягкого желтого оттенка, перемежающийся точками и скоплениями синего, красного и зеленого. Homo quantus, даже в юном возрасте, с удовольствием наблюдали интерференционные картины, образуемые смешением световых волн разной длины.

Городок был погружен в тишину. Homo quantus не стали привозить на Гаррет певчих птиц, привезли других, крохотных и пугливых созданий, которые едва подавали голос, прячась среди светящихся биолюминесценцией деревьев и лиан. По своим делам двигались люди и небольшие роботы, медленными шагами, в условиях слабой гравитации. Тропинки на Гаррете пересекали холмы по законам идеальной симметрии, а трава была едва примята легкими шагами. Белизариус снова ощутил тоску по дому и одиночество, каких он не чувствовал уже двенадцать лет.

На него поглядывали с любопытством, исподтишка. Это не те, кто живет на переднем крае квантового восприятия, вгрызаясь в тайны мироздания. Те, кто не мог входить в состояние квантовой фуги, становились менеджерами, врачами, генетиками и бактериологами, работающими над тем, чтобы дать жизнь следующему поколению проекта. В зави-

симости от точки зрения можно было счесть их как победителями, так и проигравшими в лотерее генной инженерии.

В школах сейчас, должно быть, полно детей, изучающих физику и квантовую логику и неустанно тренирующихся в управлении своими электропластинами. Более продвинутые, которым уже по семь-восемь лет, возможно, впервые пробуют входить в savant, используя специальные магнитные шлемы. Дети рано начинали учиться переключаться между врожденной личностью и той, которая проявляет себя в savant, чтобы впоследствии меньше сопротивляться временному отрешению от личности при входе в фугу. В бытность свою ребенком Белизариус преуспевал в этом и был горд собой. Сейчас же это казалось ему жестокостью.

Музей представлял собой скопление невысоких зданий с верандами, с которых открывались виды на зеркальную поверхность прудов, в которых плавали медлительные кои, карпы. Это было способом дать отдых мозгу, слишком долго погруженному в кипение вероятностей квантового мира. Сидящие в шезлонгах люди устало глядели на холмы, в расслабленном размышлении.

Кассандра Меджиа не работала ни в главном здании Музея, ни даже в прилегающих к нему зданиях. В главном здании трудились те, кто искал знания там, где заканчивается сознание. В прилегающих работали исследователи, оттачивающие восприятие и способность управлять собой Homo quantus. Далее же, на окраинах Музея, велись менее важ-

ные исследования, вглядывающиеся в хитросплетения Вселенной. Именно там Белизариус и Кассандра работали вместе, в детстве и отрочестве.

Он не сразу узнал Кассандру. В памяти у него сохранилось лицо, приближавшееся к нему в полумраке, когда они тайком целовались, лицо, смеющееся от радости. Сейчас же она лежала в шезлонге, отрешенно глядя на травы, покрывающие холмы. Вьющиеся черные волосы обрамляли лицо взрослой женщины. Мятая мешковатая одежда скрывала изгибы тела, которые он помнил с юности.

Но она была прекрасна, даже такая. Сексуальная привлекательность не была главной заботой Номо quantus, но любой человек, в создании которого поучаствовала генная инженерия, как минимум был сложен гармонично. Темные глаза недвижно смотрели вдаль. Гладкая смуглая кожа облегла округлые скулы. Губы были приоткрыты, будто во сне. У Белизариуса дернуло в животе. Он вошел на веранду, беззвучно, привычным для Номо quantus образом, и сел в шезлонг напротив нее.

– Они слишком быстро вывели меня из долгой фуги, – безразлично сказала она, не отводя взгляда от мягкой зелени травы. Казалось, она еще не до конца вышла из состояния потери самой себя в квантовой фуге и, возможно, еще пребывала в savant. Возможно, ей и не хотелось полностью возвращаться к своей врожденной личности. Если она такая же, как он, то ей наверняка не терпится вернуться в фугу.

– Как долго ты там была? – спросил он.

– Почти неделю.

Он никогда не слышал, чтобы в состоянии фуги пребывали так долго. Кассандра была одной из лучших, красивейший из цветов проекта Номо quantus. В каком-то смысле она была его противоположностью; ей приходилось прикладывать усилия, чтобы остаться в состоянии фуги, а ему – чтобы выйти из него. Неделя в таком состоянии должна была расширить радиус ее квантового восприятия на семь световых дней, достаточно, чтобы охватить им четыре «червоточины» во внутренней системе и даже ощутить Кукольную Ось. Как далеко она собиралась зайти на этот раз? Получилось ли у нее разобраться в этом бесконечном потоке перекрывающихся квантовых вероятностей?

– Капельницы, аппарат дыхания, шесть врачей, все такое, – продолжила она. – Видел бы ты меня, прежде чем они меня помыли.

– Не надо было им так тащить тебя из-за меня, – сказал он. – Я бы и подождать мог.

– Заставлять ждать блудного сына? – спросила она, чуть более эмоционально. – Они хотят, чтобы ты вернулся, Бел. Мэр ко мне приходил, просил, чтобы я убедила тебя остаться. Сказала, чтобы я спросила тебя, не согласен ли ты на мне жениться.

У Белизариуса сдавило живот.

– Ты просишь меня жениться на тебе? – спросил он, то ли

в шутку, то ли всерьез.

– У тебя был шанс, Бел, и ты им не воспользовался.

– Я всегда хотел быть с тобой. Я просто не мог оставаться... ЭТИМ.

Он обвел рукой окрестности Музея.

– Так не будь, – ответила она. – Возвращайся туда, где ты там теперь живешь. Никто из тех, кто здесь, не желает участвовать в твоих делишках.

– Я здесь не ради делишек, Касси. Не совсем.

Она посмотрела на него, будто ударила.

– У меня работа, – сказал он. – Серьезная. И мне нужна твоя помощь.

– Просто уходи, Бел.

– Ты даже не знаешь, что я предлагаю.

– А какая разница? Ничто за пределами Гаррета не имеет отношения к нашим исследованиям.

– Это не так.

Она неуверенно нахмурилась, все еще не до конца включившись в разговор.

– Что ты хочешь сказать?

– Выходи, – ответил он.

– Выходить?

– Выходи из savant. Я хочу разговаривать с настоящей Кассандрой.

Она снова нахмурилась. Ее глаза лучше сфокусировались на его лице. Выражение лица менялось, она выходила из

ощущения ложного рассеянного всезнания. Белизариус понимал, что это значит – видеть в окружающем мире слишком много геометрии, слишком много закономерностей, а потом взять и отказаться от этого.

– Бел, почему меня должно волновать то, что ты хочешь? – спросила она уже более наполненным голосом, отражающим человека, эмоционально *присутствующего* в настоящем.

– Меня наняли, чтобы кое-что переправить через Кукольную Ось, – сказал он.

– Мне не нужны твои деньги, и я не понимаю, как это может повлиять на мою работу.

Она не сказала «нашу работу». Кроме них двоих, никто не работал над моделированием физики «червоточин» с помощью тессерактов.

– Я собираюсь получить доступ к «червоточине» Кукол.

– Законным образом?

– Я думаю, Касси, что мы сможем управлять ею.

– Кукольные Оси, как и остальные, были созданы Предтечами, и они стабильны, Бел. Если ею можно управлять, следовательно, она нестабильна.

– Ты и я уже думали об этом, очень давно.

Она нерешительно поглядела на него.

– Ты же Номо *quantus*, – наконец сказала она. – Управляй ею сам.

– Ты действительно считаешь, что я тебе ровня? – спросил Белизариус.

– Это лезть или мошенничество? – спросила в ответ она.

– Искренняя лезть. Я хочу, чтобы ты была в моей команде, и предлагаю тебе то, чего ты никогда не увидишь на Гаррете.

Белизариус достал из кармана кремниевую пластинку размером в палец. Между ними появилась голограмма, строки данных измерений и расчетов.

Кассандра в мгновение ока погрузилась в созерцание. Потом выпрямила спину и нахмурилась.

– Что это такое?

– Эти измерения делал не я, – ответил Белизариус.

Она недоверчиво глядела на голограмму.

– Тогда чьи они? Эти наблюдения, Бел, говорят о том, что мы с тобой были правы.

– Если ты в деле, Касси, я расскажу тебе все. В этой работе мне нужна твоя помощь. Как теоретика. Как математика. Как инженера. При этом все, что мы сделаем для нашего заказчика, даст нам еще больше экспериментальных данных.

Белизариус затаил дыхание, его охватило возбуждение, такое, будто ему снова было четырнадцать лет, и он снова творил новую теорию физики «червоточин» с девушкой, которую ему отчаянно хотелось поцеловать.

– *Sarajo*², – выругалась она. Свет голографического изображения отражался в ее глазах, будто Вселенная в миниатюре. – И насколько это незаконно?

– Одно правительство хочет сделать то, чего не желает

---

² Испанское ругательство. Цензурный аналог «Вот блин!».

другое правительство.

– Похоже на то, что кого-нибудь могут и убить.

– Гибель не входит в мои планы.

Она отвела взгляд, почти что застенчиво.

– Есть новые Номо quantus, Бел, на пять-шесть лет моложе нас. Они лучше меня. Сообразительнее. Лучше разбираются в математике. Могут практически без проблем входить в фугу. Если тебе действительно нужен помощник в деле, поговори с ними.

– Мне нужна только ты.

Она пристально поглядела на него:

– Когда речь об экспериментальной работе, шутить не стоит.

– Я не шучу.

– Ты не забыл прошлое?

Белизариус покачал головой.

– Я встречался с другими женщинами. Но никого из них не полюбил.

– Надо было постараться.

– Ага, наверное.

– И зачем тебе встравать между правительствами, Бел? Тебе незачем становиться преступником. Возвращайся домой.

Белизариус выключил голограмму.

– Я не могу вернуться домой, Касси.

– Что с тобой не так?

– Что со мной не так?

Белизариус задумался. Ему хотелось выплеснуть свой гнев на этот идиллический мир, по которому он так тосковал, и не хотелось одновременно. Он наклонился ближе.

– Они сделали меня неправильным, Касси, – хрипло прошептал он.

– Кто?

– Весь проект. Они напутали с инстинктами. Мое любопытство не менее сильно, чем инстинкт самосохранения. Я могу входить в фугу быстрее всех, но не могу из нее нормально выйти. Квантовый интеллект переписывает мои приказы. Меня выводит из фуги лишь сильнейший жар, и каждый раз квантовый интеллект держится все дольше. Когда я нырну в следующий раз, он не отпустит меня, а потом уже будет поздно. Я умру, Касси.

У него колотилось сердце. Он не рассказывал об этом никому. Кассандра выпрямилась и протянула пальцы к его лицу. Потом передумала и положила руки на колени.

– Бел, они могут исправить это. С надлежащим оборудованием и наблюдением они это исправят.

И тут весь гнев, скопившийся в нем по отношению к проекту Номо quantus, вырвался наружу. Он пытался сдержаться, но она же его просто не слышит!

– Я уже с этим справляюсь! – прошептал он. – Каждую секунду я сдерживаю инстинкт, который заставляет меня делать то, что мне навредит.

– Тебе незачем сопротивляться. Они помогут тебе справиться.

Белизариус с трудом находил слова. Их разделяли пространство, опыт и представления, слишком огромные. Ее оптимизм по отношению к проекту бесил его.

– Зачем с этим справляться, Касси? Сидеть здесь, размышляя о том, что на самом деле не имеет значения? Вокруг нас огромный мир, а мы себя от него отрезали.

– Это ты себя отрезал, Бел. Жить во внешнем мире, с его людьми и его гадостями – не значит жить в реальном мире. Это всего лишь закономерности, алгоритмы и время жизни. А здесь мы можем проводить наши исследования.

– Ни фига не можем. Кучка инвесторов и генетиков решили, что нас надо наделить этими инстинктами. Проект взял на себя право принимать решения, принимать которые должны мы сами.

Они находились в разных мирах. Он терял ее. Терял ее для дела, которым занялся.

– Разве ты не свободен, Бел? Ты просто бегаешь от себя.

– Мы настолько же свободны, как Племя Дворняг или Куклы.

Кассандра скривилась.

– Как отвратительно.

– Если еще до нашего рождения другие люди определили, чего мы будем желать и что нас будет радовать, мы такие же, как Куклы.

– Я люблю то, что я есть, Бел, – сказала Кассандра. – Я люблю математику! Я люблю вглядываться в космос так, как не способен никто из обычных людей. Как способен делать ты.

– И на что тебе то, что ты узнаешь, Касси? Homo quantus – баловни, лишь пассивно воспринимающие информацию. Пройдет двадцать лет, и ты не изменишься.

Она крепко сжала губы и кулаки.

– А чем станешь ты, Бел? Ты двенадцать лет бегал от самого себя. И еще двенадцать лет бегать будешь.

– У меня есть это, – ответил Белизариус, поднимая руку с кремниевой полоской в ней. – На Гаррете никогда такого не будет. Вы будете вечно прокручивать в голове теории. Я не потерял того, что люблю, но обрел контроль над инстинктами.

– Это звучит ужасно, – сказала Кассандра.

Казалось, мир вокруг них зашатался. Разговор уходил в сторону. Воссоединение, о котором он так мечтал, было на грани краха. Белизариус заговорил тише:

– Ужасно то, что я могу доказать, что твое любопытство запрограммировано, Касси. С помощью вот этой информации. Но я пришел не ради того, чтобы попытаться изменить тебя. Не ради того, чтобы ты меня изменила. На этой работе можно получить много больше информации. Пойдем со мной. Пожалуйста.

Ее взгляд стал мягче. Белизариус продолжал держать в ру-

ке между ними кремниевую пластинку.

– Нам придется напрямую взаимодействовать с Куколь-ной Осью, Касси. Я открыл способ прямого управления ею.

Кассандра напряженно посмотрела на него.

– Бел, насколько это опасно?

Он видел, как в ней борются два инстинкта. Жажда знаний и инстинкт самосохранения. У нее инстинкт самосохранения немного сильнее. Будь он таким же, он бы до сих пор жил на Гаррете.

– Ты знаешь, Бел, о чем я сейчас думаю?

– Нет.

– Меня не беспокоит, что ты, возможно, пытаешься воспользоваться чувствами прошлого. Не беспокоит, что то, что ты задумал, что бы это ни было, незаконно и опасно. Не беспокоит даже то, что, как мне кажется, ты меня дурачишь.

Она намеренно сделала паузу, прищулив темные глаза.

– Меня беспокоит, что ты мог подделать эти данные.

Белизариус выпрямился. Он же такой же Homo quantus, как она. Заложенный проектом инстинкт пронизывал его жилы, искушая его, маня войти в фугу и *понять*. Кем она теперь его себе представляет?

Он коснулся ее руки. Все еще горячая, после фуги. В кончиках пальцев закололо слабым электрическим током, ее и его.

– Данные настоящие, Касси. И я тебя не дурачу. Если согласишься, будешь знать весь план.

Она снова прищурилась, разворачивая руку и касаясь кончиков его пальцев там, где к поверхности кожи выходили углеродные нанотрубки, ведущие к их электропластинам. Особый род пульсации, интимный, совершенно не предусмотренный ни эволюцией, ни инстинктом продолжения рода. Затрагивающий потаенные глубины сердца, старомодный в своей невинности. Соприкосновение их пальцев длилось долго, будто долгий поцелуй. И она тяжело вздохнула.

– Хотела бы я верить тебе, Бел, – сказала она. – Я согласна.

Альгамбра была главным городом Новой Гранады, но не ее столицей. Подобно странному политическому обычаю прошлого: с Бразилиа и Сан-Паулу, Квебеком и Монреалем, Бонном и Берлином, Энцелад-Сити и Титан-Хайв. Столицей Новой Гранады был Трухильо, чья экономика ограничивалась учреждениями трехпалатного парламента, объектами культуры и искусств и тюрьмой.

Официально тюрьма именовалась Исправительной Колонией имени Сингха, но среди бедноты ее называли «Диккенсом». Здесь содержались должники, а также осужденные за подделку документов, нарушение контрактов, мошенничество в сфере инвестиций и страхования и нарушения патентного права.

Система исправительных учреждений Англо-Испанского Союза производила на посетителей либо впечатление бодряще цивилизованной, либо – ужасающе грабительской. Приговор мог быть смягчен или отменен за изрядную сумму наличными или за передачу активов, таких как акции или рента. За исключением этого, корпоративные тюрьмы с радостью перепродавали закладные на приговоры, под умеренный процент, либо спонсорам, либо даже самим лицам, претендующим на досрочное освобождение. Посетители тюрем имели возможность приобрести разный уровень доступа, со-

гласно совершенно прозрачному прејскуранту вознаграждений, тех, что конгрегаты назвали бы взятками. Просто у некоторых государств тюремный бизнес был налажен лучше, чем у остальных.

Белизариус приобрел права доступа на уровне супервайзера, в него входили экскурсия с охраной, пятиразовое питание и бар. Заключение производили еду и алкоголь прямо здесь, имея возможность зарабатывать деньги, подрабатывая официантами или сопровождающими, дабы оплачивать камеру, пребывание и воздух. Столы были застелены первоклассными скатертями, на которых лежали достойные их посуда и приборы, стояли аперитивы и закуски. Белизариус как раз разговаривал с тюремным сомелье, когда официант с натянутой улыбкой открыл дверь.

Позади двери в нерешительности стоял мужчина в дешевой синтетической одежде. Он был выбрит, а зачесанные назад черные с сединой волосы были влажными. Посмотрев на Белизариуса и на изобилие стола, он нахмурился.

– Права доступа на уровне супервайзера просто впечатляющие, – сказал Белизариус, делая жест в сторону стула. – Не хочешь попробовать их пино нуар?

Уильям Гэндер медленно двинулся вперед. На вид ему было лет шестьдесят пять, светлая кожа, староевропейского типа. Встав у стола как вкопанный, он взял бокал с вином и осушил его до дна. Нахмурился, а потом протянул бокал официанту, который принялся аккуратно наполнять его.

– Даже не думал, что еще тебя увижу, – сказал Уильям. Второй бокал он допил до половины. – Прилетел, чтобы вспомнить старые добрые времена?

– Можно подумать, они были хорошие!

– Пока ты быстро не утащил свою задницу, ту самую, что мне, судя по всему, теперь поцеловать полагается? Если что, вина мне нужно побольше.

– Лучше начнем с ростбифа, – ответил Белизариус. – В обзорах «Эль Тьемпо» пишут, что хрен, который тут растут, – генетически модифицированный, чтобы поострее быть.

– Ой, ради всего... – начал Уильям, плюхаясь в кресло и закатывая глаза.

Официант подал суп с имбирем и шпинатом и удалился.

– Должно быть, тюремные фермы хорошо работают, – сказал Белизариус.

Уильям хмыкнул, глядя на суп.

– Как же ты попался, Уилл? Я купил права прочесть твоё дело, но так и не понял, как им удалось тебя прижать. На чём тебя поймали? Похоже, что на мошенничестве с горными разработками на Марсе, но я не понимаю, как тебя можно было на нём поймать, если ты не стал вдруг изображать из себя коммерсанта.

– Опять мои ошибки выискиваешь? – спросил Уильям, не поднимая взгляд. – Это было двойное мошенничество с «Черес Эстейт».

– Партнер раскололся?

Уильям положил ложку, поднял со стола чашку и допил остатки супа. Белизариус наклонил чашку и выбирал суп ложкой до последнего.

– Мой банковский счет провалился, – сказал Уильям. – Фальшивый аккаунт попал под случайный аудит криминалистического ИИ...

– ...А ты уже зашел слишком далеко, чтобы вовремя выйти, – закончил за него Белизариус.

Уильям кивнул, не глядя в глаза Белизариусу. Вошел официант, забрал чашки, а вскоре вернулся, подавая салат из моркови и яблок, нарезанных мелкими оранжевыми и белыми дольками, уложенных, как чешуя рыбы и политых прованским соусом с лаймом. Они принялись есть палочками, молча хрустя салатом.

– Послал подарок на день рождения Кейт, – сказал Белизариус. – Зная, что у тебя наверняка не будет возможности.

Уильям шумно выдохнул.

– Я тебя об этом не просил.

– Я не держу зла против тебя, Уилл. Кейт хорошая девочка. Я сделал это с радостью. Ты же мне помог, когда мне это было необходимо.

– Тебе на самом деле незачем помогать было, – ответил Уильям. – Ты быстро показал всем, что с твоими мозгами ты сам справишься.

– Какие бы ни были мои мозги, я всего на свете боялся.

Официант принес главное блюдо. Ростбиф с розовой

сердцевинной, йоркширский пудинг, молодой картофель и фирменное блюдо тюрьмы – хрен, который рецензенты называли Кнудом Фагина. Было видно, как Уильям усилием воли сдержал свою реакцию на запах еды.

Белизариус дал знак, и официант наклонился к нему.

– Я хотел бы расширить свои права доступа, – сказал он. Официант кивнул, но Белизариус коснулся его руки. – Не в стандартном смысле. Я имел в виду права доступа, не обозначенные в прејскуранте.

– Безусловно, сэръ.

Официант вышел, закрывая дверь. Через некоторое время освещение стало немного желтее. Электромагнитные излучения, давившие на магнитосомы Белизариуса, прекратились.

– Ну, теперь-то тебе никто не нужен, – сказал Уильям, разрезая ростбиф. – Ты теперь все время так на широкую ногу живешь?

– По большей части, законными делами.

– Еще бы, – с горечью сказал Уильям.

– Я сюда прилетел, чтобы попросить твоей помощи.

– От меня уже никому толку нет. Беру небольшие подработки, чтобы оплачивать отсидку.

Ростбиф с хреном показались Белизариусу слишком горькими. Он принялся подбирать слова.

– Мне жаль, Уилл, что ты болен.

Уильям с ожесточением отрезал ростбиф и отправил ку-

сок в рот.

– Я планирую большое дело, – сказал Белизариус. – Больше, чем что-либо, за что я до сих пор брался.

– И что?

– Ты мне нужен, в моей команде.

– Я не просил тебя делать подарок Кейт и об этом тебя тоже не просил, – сказал Уильям, махнув ножом в сторону еды. – Мне не нужны подачки из жалости.

– Это не жалость. Мне нужен хороший специалист.

– Значит, теперь я для тебя хорош, а десять лет назад не был?

Сочная еда, лежащая на тарелках, окончательно потеряла свою привлекательность для Белизариуса.

– А еще мне нужен человек, готовый участвовать в деле, из которого он может не выйти живым, – сказал он.

Уильям замер.

– Ладно, я уже и так на дорожке в один конец, – ответил он. – Так что не вижу, как эта твоя работа мне теперь поможет.

Белизариус положил вилку и нож по сторонам от тарелки, идеально параллельно.

– Возможно, тебе и не придется насладиться своей долей, но это сделает Кейт. И, если честно, ты действительно хочешь умереть здесь? У тебя еще есть время. А у меня – мощничество высшей пробы, как раз по тебе.

Уильям отодвинул тарелку.

– Похоже, у меня особо и выбора нет. Либо работать на тебя, либо последние дни своей жизни заживо гнить в Диккенсе.

– У тебя есть выбор, Уилл, – сказал Белизариус, медленно отодвигая тарелку. – Я выплатил тело долга и проценты по твоему приговору. Если тебе нужны карманные деньги или что-то побольше, скажи. Это за счет казино, поскольку я тебе должен. Хочешь заняться чем-то другим? Как пожелаешь. Я в курсе, что твоя болезнь неизлечима. Тебе решать, что ты станешь делать дальше. Но если ты хочешь поучаствовать в большом деле, у меня оно есть.

– И каков гонорар?

– Семизначный, во франках.

Уильям закашлялся. Потом взял бокал с вином и допил его залпом.

– Что ты нарыл?

Белизариус коснулся планшета, и в воздухе между ними появилась голограмма. Цены за воздух, жилье и еду в Альгамбре, стоимость обучения, вступительные взносы за поступление на работу в торговых монополиях и Банках.

– Примерно за пятнадцать тысяч франков Кейт окончит хорошую школу и получит стартовую должность в Банке. Еще сто тысяч дадут ей возможность перейти в ранг акционера. Ты можешь себе представить, что твоя дочь станет акционером одного из Банков?

– Черт подери, ты крут, Белизариус.

– Уилл, я даю тебе шанс сыграть по-крупному.

– А почему это дорога в один конец? В твоей схеме нужен козел отпущения?

– Это худший из вариантов козла отпущения, какой ты только можешь себе представить, – ответил Белизариус, не глядя в глаза Уильяму.

– Бандиты? Банки? Ты решил по Банку ударить, что ли?

– Хуже.

Уильям протянул руку, взял бутылку и отхлебнул из горла. Посмотрел перед собой невидящим взглядом.

– Черт, – наконец сказал он. И улыбнулся. – Если тебе нужен козел отпущения, по совместительству – мошенник, у тебя, похоже, не было выбора? Я сделаю это, но мне нужна доля. Полторы ставки.

– Я и так семизначную сумму предложил!

– Значит, полторы от семизначной суммы, – ответил Уильям, допивая бутылку. – Если это хуже, чем гангстеры, то и я заслуживаю больше, чем тот, кто рискует просто в тюрюгу попасть.

– Я дам тебе полуторный гонорар, но не питай иллюзий. Если дело пойдет насмарку, то, скорее всего, все погибнут.

Уильям откинулся на спинку кресла. На его лице были тошнота и энтузиазм одновременно.

– Знаешь, насчет хрена ты был прав, – сказал он.

Подземный город Альгамбра, сердце экономики Англо-Испанских владений в системе эпсилона Индейца, был прекрасен. Аллеи ухоженных деревьев затеняли тротуары из прессованного реголита. Здания из плексигласа стояли на паутине из углеродных нанотрубок. Университетский городок поражал глаз изяществом изгибов, воздушных мостиков и веранд. Даже огромные сады и те были подвешены над городом. Внешние грани плексигласа имели особую форму, отражая мягкий солнечный свет на радуги, которыми была украшена земля. Университет Альгамбры примостился у каменной западной стены города. Странное место, чтобы искать здесь Куклу.

Несмотря на все то, что он говорил Кассандре, Белизариус все-таки считал, что ему повезло родиться среди Номо quantus. Есть места куда хуже. В системе эпсилона Индейца родиться в Альгамбре или Сагение было все равно что выиграть в лотерею. Остальные населенные миры системы представляли собой орбитальные рудники, на которых работали принудительно, за долги. А родиться женщиной в какой-нибудь из фундаменталистских сект Белизариусу тоже не хотелось бы.

И любой бы вздрогнул от одной мысли о возможности родиться среди Номо eridanus, народа, называющего себя Пле-

менем Дворняг. Они жили в водных глубинах инопланетного океана, под давлением, которое раздавило бы любого обычного человека, отрезанные от человечества и родного дома, запертые в ловушке несовершенной генетики, страдающие от психических патологий и извращенных инстинктов.

Но даже Дворняги не согласились бы поменяться местами с Куклами, Ното рира.

Куклы вызывали отвращение и презрение у всех народов человеческой цивилизации. Само их существование являлось преступлением против человечности. Куклы были биохимически созданы, чтобы служить и восхищаться своими создателями, Нуменами. Однако, несмотря на биохимическую ловушку, встроенную в каждую Куклу, Нумены боялись своих рабов, поэтому сделали так, что те вырастали в миниатюрные копии взрослых людей. Никто и никогда не согласился бы оказаться на месте Кукол и их плененных божеств.

Однако некоторые Куклы были еще хуже. В результате случайных мутаций появлялись Куклы, лишённые физиологического механизма влечения к божественным созданиям. На родной планете Кукол, Олере, таким не было никакого доверия. Ведь биологические отступники способны на все что угодно. Белизариус не испытывал к Куклам ненависти, как и к тем их отщепенцам, которые не имели возможности жить среди соплеменников. Не стоит кидаться камнями внутри стеклянного дома.

Белизариус шел по лестницам и коридорам университета, пока не нашел дверь с табличкой «Манфред Гейтс-15, старший преподаватель».

Он постучал. За дверью послышалось шуршание. Тишина. Белизариус снова постучал.

– Убирайся! – крикнул кто-то из-за двери.

– Я не причиню вам вреда, профессор Гейтс, – сказал Белизариус. – У меня деловое предложение.

– Убирайся!

Реакцию Гейтса можно было понять. Пусть и не всякий желал немедленно убить Куклу, но многие были не прочь их побить. Но понимание не даст Белизариусу возможность войти. И он прижал пальцы к холодной металлической пластинке у дверной ручки. Ток в течение миллисекунды, легкое жжение в кончиках пальцев, и раздался щелчок замка. Он открыл дверь.

В небольшом кабинете, казалось, не было никого. Рабочий стол с пластиковым верхом, низенький, планшеты, голограммы и дисплеи слева, стульчик, размером с детский. Справа стоял стол и три стула, рядом с одним из которых была лестница в три ступеньки. Смарт-доска и голографический проектор на дальней стене.

– Профессор Гейтс-15. Я просто пришел, чтобы поговорить, – сказал Белизариус.

Над краем стола показалась небольшая голова со светлыми волосами. Потом небольшая рука с предметом, похо-

жим на электрошокер. Она была наставлена на Белизариуса. Обычно шокерами дозволялось пользоваться только полиции. Другая рука, со складным ножом.

– Убирайся! – сказал Гейтс-15.

Белизариус закрыл дверь. Кукла нажал кнопку шокера. Громкий треск разряда, и молния ударила в руку Белизариуса. Белизариус дернулся и вскрикнул, делая шаг назад. Гейтс-15 смотрел на него поверх стола обезумевшими глазами.

– Не делай этого! – крикнул Белизариус, трясая пальцами.

Сердце колотилось. Он сунул обожженную руку под мышку. Кончики пальцев покраснели и пульсировали. Ток прошел по каналам из нанотрубок прямо в его электропластины.

Тело Белизариуса не было предназначено для внешней подзарядки электропластин, но это не было невозможно. Электропластины накопили избыточный заряд. Пальцы болели. И Белизариус ткнул ими в стол, выпуская в него избыточный заряд. Гейтс-15 дернулся и отшатнулся. Белизариус сел. Не слишком хороший способ произвести первое впечатление. Нет у него таланта убеждать. И он подул на кончики пальцев.

Гейтс-15 встал во все свои девяносто сантиметров роста, шатаясь, и попятился к стене, держа перед собой нож. У него были изящные руки и ноги, узкие бедра, маленькая голова и клочковатая борода. Светлые волосы были коротко острижены.

Они долго глядели друг на друга.

– Вы согласны поговорить по делу? – спросил Белизариус.

– Ты кто? Солдат с прибрлудами? Или убийца, нанятый Нуменархией в изгнании?

– Номо quantus, – ответил Белизариус.

Кукла нахмурился.

– Номо quantus? – переспросил он.

– Не самый лучший, – быстро добавил Белизариус. – Во мне нет некоторых биохимических составляющих, чтобы правильно входить в фугу.

– Что тебе нужно?

– Мне платят деньги за решение проблем. У меня есть проблема, которую нужно решить, и я собираю команду, которая мне в этом поможет. Мне нужен Кукла-изгнанник.

– И для чего тебе нужен Кукла?

– Мне нужно работать в Свободном Городе, – сказал Белизариус.

– Ты не того нашел, – ответил Гейтс-15. – Я туда и близко не подойду. Они меня сразу убьют, как поймут, кто я такой.

– Тот, кто не способен распознавать божественное?

– Точно, – с отчаянием ответил Гейтс-15, опуская нож и кладя шокер на стол, но не отходя от стены.

– У меня есть знакомые подпольные генетики. У них достаточно ДНК Кукол, чтобы произвести соматическую генную терапию, – сказал Белизариус. – В базах данных Кукол не будет совпадений, чтобы вас идентифицировать. Никто не

узнает, что вы Гейтс-15. Паспорт, визы, записи – все можно подделать, если заплатить куда надо.

Гейтс нахмурился еще сильнее.

– Ты свихнулся! Меня, и в Свободный Город!

– Моя работа хорошо оплачивается, – сказал Белизариус. – Ваша доля составит пару миллионов конгрегатских франков, а после ее выполнения мы можем попытаться сделать генетические изменения необратимыми. Я даю вам шанс вернуться домой, чтобы вам не пришлось провести остаток жизни, разговаривая с посетителями с ножом в руке.

Кукла сложил нож и убрал его в карман. С угрюмым лицом отошел от стены и сел на стул. Поглядел на руки.

– Что вы хотите сделать? Тут какой-то подвох.

– Вы будете частью команды, которая отключит большую часть оборонительной системы Кукол.

Глаза Куклы стали как блюдца.

– Это сделает их беззащитными.

– Это не вторжение, – сказал Белизариус.

– Тогда что же?

– Есть корабли на дальней стороне Червоточкины Кукол, которым необходимо пройти ее.

– Так почему бы им не заплатить за проход?

– Ваши слишком цену задрали. Если беретесь за работу, я расскажу и остальные причины. Мне нужен Кукла в качестве агента, чтобы команда смогла подобраться к защитным системам и выключить их на несколько часов, пока флот прой-

дет.

– Вы с ума сошли, – сказал Гейтс-15. – Будь я настоящим Куклой, я, может, и смог бы пробраться в Запретный Город с фальшивыми документами, но я не смогу никого больше туда провести.

– Конечно же, можете, – ответил Белизариус и объяснил план.

Глаза Куклы снова расширились.

– Это ужасающе! – сказал Гейтс-15. – Никто по своей воле не поставит себя в такое положение. И вы не сможете одурачить Кукол.

– Я смогу, – ответил Белизариус.

– Я не собираюсь отключать защитные системы Кукол, даже если это нужно только для того, чтобы провести корабли через Ось. И никогда не стану рисковать безопасностью Нумена.

– Никто не планирует причинять вреда ни Свободному Городу, ни Нуменам. Просто ваши очень пожадничали. А мой клиент хочет сделать все по-своему. Такой шанс предоставляется только раз в жизни. Можете умереть в изгнании в Альгамбре, а можете бросить жребий. И выиграть шанс провести остаток жизни среди Кукол.

Гейтс-15 долго глядел на побелевшие костяшки пальцев, которыми он сжал свои колени.

Белизариус встал.

– Я знаю еще троих изгнанников-Кукол, – сказал он. –

Один из троих обязательно согласится. Я пришел к вам первому лишь потому, что мне по пути было.

Он подошел к столу и толкнул шокер в сторону Куклы. Тот дернулся.

– Что ж, тогда всего хорошего.

Белизариус не успел дойти до двери.

– Подождите! – крикнул Гейтс-15.

Белизариуса вызвали из очереди на первичный досмотр в Сагенее, столице владений Конгрегации в системе эпсилон-Индейца. Вместо вспомогательного ИИ он увидел *жан-дарма*, женщину в ладной синей форме со сверкающими погонами. Официально она являлась чиновником низкого уровня, но на самом деле действия Белизариуса привлекли внимание служб безопасности Конгрегации.

– Вы Номо quantus, месье? – спросила она.

– Да, мадам, – ответил Белизариус на французском-8.2 с легким монреальским акцентом, таким, какой был у изучающих язык иностранцев. Сама она говорила на французском-8.1, с естественным произношением венерианских облачных городов. Считалось невежливым, чтобы иностранцы слишком хорошо имитировали французский-8.1.

– Вы обозначили своим местом проживания Свободный Город Кукол.

– Я консультант-искусствовед в Свободном Городе, мадам.

– С чего бы это Номо quantus покидать Гаррет?

Белизариус плотно сжал губы, изображая нужную степень дискомфорта, дабы убедить не только *жан-дарма*, но и вспомогательные ИИ, ей помогающие.

– Не всякий Номо quantus в состоянии внести должный

вклад в проект, – сказал он. – Я решил жить в ином месте. Деловые связи указаны в моем паспорте, а ваше консульство в Свободном Городе подтвердило мое право на нарушение блокады в целях путешествий.

Порывшись в его досье, она наконец поставила штамп в его голографический паспорт, разрешая ему въезд во владения Конгрегации. Миновав вестибюль, Белизариус начал спускаться ниже, на подземные уровни Сагеня. Станция Сагеней была столицей небольшой провинции, мизерной в сравнении с остальными владениями Конгрегатов. Шесть тысяч гражданских и двадцать тысяч военных – служащих космического флота, военных станций и баз на астероидах, охраняющих подступы к двум «червоточинам», принадлежащим Конгрегации. Вдалеке от окон с видом на звезды, рядом с вентиляционной системой и ядерными реакторами, виднелся арочный проход с вывеской на французском. «Церковь Сен-Жан де Бребёф».

Белизариус открыл дверь и втиснулся в крохотную церковь. Места так мало, что можно обеих стен руками коснуться одновременно. Скамья из имитации дерева размером на одного человека и молитвенная скамеечка перед ней. У самой стены, так близко, что ни один священник туда бы не втиснулся, стояла кафедра. Над ней висела голограмма лишенной тела головы Святого Матфея с картины Караваджо.

– Мистер Архона!

Голос Святого Матфея был сочным и политональным,

специально, чтобы воздействовать на человеческий слух и мозг, вызывая благоговение. Но на Белизариуса это не действовало: биохимия и системная архитектура его мозга были иными. Хотя он вообще сомневался, что это хоть на кого-то действовало.

– Как служится, Святой Матфей? – спросил он, садясь на жесткую скамью и откидываясь назад, насколько это было возможно.

– Потихоньку, – ответил голос. – Удалось обратить несколько вспомогательных ИИ.

Святой Матфей был, по всей вероятности, самым сложным из созданных человеческой цивилизацией ИИ, первым в столь долго разрабатывавшемся классе «Алеф», на который были затрачены огромные средства Первого Банка Плутократии. С точки зрения вычислительной мощности, с ним могла бы сравниться мощная сеть вспомогательных ИИ, но для них потребовался бы целый ангар. Святой Матфей обладал огромной мощностью квантовых вычислений, а его оценки в тестах сознания делали его лидером даже среди класса «Алеф».

Существовала единственная проблема. Он считал себя библейским святым Матфеем, через две с половиной тысячи лет перевоплотившимся в виде ИИ, дабы заново разжечь огонь угасающего христианского культа. Как это было ни печально для Первого Банка, Святого Матфея совершенно не интересовали банковское дело и инвестиции.

Хотя он и не функционировал надлежащим образом, согласно Англо-Испанскому Праву не допускалось уничтожение сущности, наделенной сознанием. Большинству ИИ в случае нарушения работы системы давали разрешение запустить программу самоуничтожения, однако Святой Матфей сообщил Банку, что не станет делать это. В свою очередь, Банк не мог дать ему свободу. Он был под завязку набит технологическими секретами. Все его действия строго нормировались законодательством об интеллектуальной собственности, и он был субъектом патентов и лицензий множества компаний, принявших участие в программе разработки.

Так Святой Матфей оказался заточен в хранилище Банка. Но смог отправить послание, наняв Белизариуса, дабы тот помог ему сбежать. Белизариус контрабандой вывез Святого Матфея во владения Конгрегации, где Первый Банк Плутократии не мог его разыскивать, а у чиновников Конгрегации не было причин видеть в нем что-либо помимо обычного вспомогательного ИИ.

Это было первое дело Белизариуса после того, как в свои шестнадцать он покинул Гаррет. Так он и открыл в себе талант к рискованным предприятиям. С момента своего освобождения Святой Матфей не оставлял попыток вести служение на Станции Сагений и почти всегда отказывался участвовать в аферах Белизариуса.

– Наверное, тебе побольше прихожан надо, – сказал Белизариус, оглядывая церковь размером с большой шкаф.

– Мне нужны миссионеры, дабы распространять благую весть, мистер Архона.

– Возможно, церковь побольше размером помогла бы.

Белизариус посмотрел на лицо, когда-то изображенное Караваджо. Бородатое. Жесткое. Но не лишенное сострадания.

– У вас ведь работа, не так ли? – осторожно спросил Святой Матфей.

– Печать включена?

Святой Матфей включил печать исповеди, программу, которая станет передавать разговор иного содержания для подслушивающих устройств конгрегатов.

– Возможно, – сказал Белизариус.

– Мне бы хотелось вас переубедить, – сказал Святой Матфей.

– А мне бы хотелось тебя нанять.

– Я не могу заниматься вашими делами, мистер Архона. Воровать грешно.

– Я раздумывал насчет тебя и твоей роли как апостола.

– Правда?

Огромная голографическая голова склонилась к нему, на лице промелькнули эмоции, стали видны мазки кисти художника. Возбуждение. Ожидание. Настороженность. Страх.

– В свое время апостолы ничего бы не добились, если бы на месте сидели, Святой Матфей. Ты здесь никому не нужен.

Никто здесь не стоит перед лицом испытаний, в которых потребна вера.

– Что ты предлагаешь?

– Мне нужен специалист по электронике, – сказал Белизариус. – На уровне волшебника.

– Это дело вроде того, как меня выкрасть или код безопасности взломать?

– Суть работы не так важна, как ее контекст. Ты когда-нибудь ощущал, что такое рок?

– Всегда, – ответил Святой Матфей.

– В роковые времена чудеса не только возможны, но и логически необходимы.

– Продолжай, – сказал Святой Матфей.

– Твое появление в моей жизни двенадцать лет назад не могло быть случайным, – сказал Белизариус. – Но до сегодняшнего дня я не понимал, когда начнется твоя миссия и какова в ней будет моя роль.

Святой Матфей будто затаил дыхание, сидя на краю скамейки, хотя на самом деле это была всего лишь голограмма написанной художником человеческой головы.

– И что же ты узрел?

– Работа, за которую я взялся, вряд ли случайно связана с тем, что мне придется работать с преступниками, которые...

– Мисс Фока в их числе? – перебил его Святой Матфей.

– Среди прочих.

– Она мне не нравится.

– Твой Спаситель омывал ноги прокаженным, – сказал Белизариус.

– Она грозила, что заставит меня создавать эмульсии голографического секса для бандитов.

– Ты знал, что она всего лишь тебя подкальывает.

– Она пыталась взломать мой канал связи и загрузить мне порнографию с Куклами.

– Святой Матфей! – сказал Белизариус, отмахиваясь. – Ты потерял нить нашего теологического спора! Некоторые из людей, которых я собираю, возможно, обречены встретиться с тобой. Не может быть совпадением, что работа, в которой понадобятся преступники, Homo quantus, Племя Дворняг, Куклы и люди, многие годы пребывавшие в пустыне, требует и тебя.

Выкрашенные густыми мазками брови Святого Матфея сошлись, а пухлые губы крепко сжались.

– После нее ничто не останется прежним, – сказал Белизариус. – Мне нужно всего несколько небольших чудес, а твоя роль станет судьбоносной.

– В твоих планах всегда есть что-нибудь преступное.

– Что за лицемерие! – ответил Белизариус.

– Что?

– Ничья ты не реинкарнация.

– Я святой Матфей!

– Стал бы настоящий святой Матфей сидеть в безопасности в пустой церкви или пошел бы в люди, неся миру бла-

гую весть? Прокаженным. Мытарям. Блудницам. Я даю тебе шанс узреть Кукол лицом к... лицу. Племя Дворняг. Что ты сможешь сказать им, представишься тебе такой шанс? Они страдают. В любом случае ты познаешь мир, увидишь, чем живут в нем нынешние люди.

– Я должен поразмыслить над этим.

– Сколько угодно, – ответил Белизариус, но не стронулся с места. С точки зрения чистой вычислительной мощности Святой Матфей был даже быстрее, чем он сам. Прошло шесть целых одна десятая секунды, целая вечность для такого ИИ, как Святой Матфей. Лицо с картины нахмурилось.

– Мне нужен знак искренней веры с вашей стороны.

– Что? – переспросил Белизариус.

– Я хочу, чтобы ты крестился.

– Разве это сделает меня первым крещеным человеческим существом?

– Если не считать некоторых религиозных фанатиков, первым почти за три столетия.

– И тогда ты отправишься со мной?

– Только для того, чтобы заботиться о твоей душе.

– И какие формы примет эта забота? – спросил Белизариус.

– Я буду наставлять тебя морально и духовно, – сказал Святой Матфей.

– Это выглядит бессмысленно, поскольку у меня души нет. Я просто пытаюсь помочь тебе достичь твоей цели.

Голограмма нарисованной головы склонилась.

– У тебя есть душа. Я многие годы слежу за тобой. Твоя проблема в том, что твоя душа разорвана надвое.

– Мне нужна твоя помощь в этой работе, – сказал Белизариус. – Если ты думаешь, что это поможет, я... покрещусь.

Огромное голографическое лицо улыбнулось так, что стали видны трещины в краске.

Пусть Сагеней и был столицей весьма небольшой провинции, но запросы здесь были немаленькие. Казино «Лануа» стало еще более роскошным и шумным, чем помнил его Белизариус, сверкая и бурля жизнью. Без доступа к старым капиталам Конгрегации, оно создавало новые деньги, которые рекой текли к нему с космических портов и вспомогательных служб. У конгрегатов деньги не давали положения в обществе и статуса. Невозможно было за деньги стать *purlaine*³ или *desouche*⁴, такого именованья удостаивались лишь ведущие родство от старейших родов Венеры. Но деньги никому не помешают. Выигрывать и проигрывать деньги было почетным спортом, а «Лануа» было достойной ареной для этого.

Белизариуса просканировали в вестибюле с высоким потолком, и он ступил на красный ковер, ведущий в игровую зону. У казино на него и досье есть, с тех времен, когда он был почти что постоянным посетителем. Несомненно, рентген снова обнаружил его электропластины, и, возможно, часть сети углеродных нанотрубок в его теле. Шесть ИИ «Фортуна», объединенные в сеть, уже знали, что он – Номо

---

³ Чистокровный (*фр.*).

⁴ Коренной (*фр.*).

quantus, и были готовы предпринять дополнительные меры предосторожности, но не более того.

Белизариус стряхнул пылинки с вечернего костюма из шерстяной ткани. Ему предложили мужчину, женщину или интерсекса в качестве сопровождающего на этот вечер. И он выбрал привлекательную женщину в синем платье. Взявшись под руки, они вошли в первый зал.

– Бел! – прошептала она на французском-8.1. – Сколько лет! Как ты возмужал!

– Ты мне льстишь, Мадлен.

– Где ты был все это время?

– То тут, то там, – ответил он. – Сейчас покупаю предметы искусства Кукол в Свободном Городе.

– Правда? И как оно?

– Сама понимаешь, потрясающе.

Она игриво хлопнула его по руке.

– Тебе надо было почаще здесь появляться, повеселился бы.

– К сожалению, навык потерял, да и я здесь по делу.

Она закатила глаза.

– Не похоже это на прежнего Бела, которого я помню. До сих пор вспоминаю ту драку, которую ты и Уильям устроили в последнем зале у бара! Поверить не могла, что ты попытаешься...

– Это все в прошлом, – быстро сказал он. – Теперь я продаю и покупаю произведения искусства.

Она замедлила шаг, давая ему возможность глянуть на колесо рулетки. Белизариус покачал головой. Они пошли дальше под руку. Она взяла у проходящего официанта два бокала скотча – у настоящего официанта, живого человека. «Ла-нуа» держали марку.

– Все это так скучно, – сказала она.

– Мадо, я всегда был скучным. А прошлое всегда кажется лучше, чем было на самом деле.

– Ха! В клубах тебя до сих пор вспоминают как волшебника, когда хотят повесить лапшу на уши.

– Лапша – она всегда лапша, Мадо.

Она рассмеялась.

– И по какому ты тут делу?

– Ищу врача по имени Антонио дель Касаль.

Мадлен оглядела зал, не переставая улыбаться, но блеск в ее глазах означал, что она включила поиск в имплантированной в сетчатку системе.

– Генетика? И что тебе от него надо? Поставить примочки или, наоборот, избавиться?

– Возможно, он знает кое-кого, кто желает купить предметы искусства.

– И ты ради этого до самого Сагеня летел?

– Тебя удивит, сколько есть людей, интересующихся искусством Кукол.

Она посмотрела ему в глаза. Ее собственные глаза были прекрасны, голубые, старого североевропейского вида, кон-

трастирующие с кожей, почти такой же темной, как у него самого. В них мелькнул еле заметный огонек, она собирала информацию по искусству Кукол из сети. Нахмурилась.

– Фу.

Нахмурилась сильнее.

– Tabarnak!⁵ – выругалась она. – Что с ними не так? В смысле, за исключением очевидного.

– А им нужно что-то, за исключением очевидного?

– Похоже, нет.

Мадлен поежилась, и огонек в ее глазах исчез.

– Буэ. Так просто теперь не забудешь.

Она повела его через первый зал, мимо столов с рулеткой, крэпсом, блекджеком и баккара. Они подошли к лестнице. Тончайшая лоза обвивала узкий ствол дерева с гладкой корой, из которого через равные промежутки торчали прозрачные, как паутина, листья. Ступени выглядели такими хрупкими, что Белизариус ожидал, что они станут сгибаться под их весом, но Мадлен уверенно повела его вверх. По мере того как они наступали на ступени в виде листьев, те вспыхивали и гасли.

Мозг Белизариуса сразу же принялся рвать на части конструкцию лестницы. Растительные клетки, генномодифицированные, проращивающие внутри ствола и листьев углеродные нановолокна, усиливающие ксилему и флоэму до

---

⁵ Букв. «дарохранильница» (*фр.*), квебекское ругательство, аналог русского «срань господня» и английского holy shit.

прочности стали. И внутриклеточные колонии биолюминесцентных бактерий, светящихся под давлением. Чудненко.

– Дель Касаль в комнате для игры в покер у мезонина, – сказала Мадлен.

Вдоль мезонина протекал неглубокий ручей, пузырясь на хрустальной поверхности. Над поверхностью выступали ступени из стекла и кварца. Пройдя по ним, они очутились в соединенных между собой комнатах с высокими потолками. Крыло, где играли в покер.

Белизариус оглядывал множество столов, за которыми играли в стад на пять и семь карт, дро и более экзотические игры. В каждом из трех залов по шестьдесят столов. Отрывистые, напряженные фразы пробудили в нем ностальгию. Ему многих довелось обыграть в этом казино.

Игры в казино не слишком-то изменились с конца девятнадцатого века. Технология изменила людей, но ничего не сделала с картами, лишь покрыла их защитными системами, блюдущими чистоту игры. Вероятно, в «Лануа» было больше решеток Фарадея, встроенных в стены, чем в Англо-Испанских Банках. В невидимой части спектра работали электромагнитные излучатели, создавая интерференцию, особенно в инфракрасной и ультрафиолетовой областях. Подобно бизнесу Кукол с транзитом грузов через их «червоточину», для казино честность игры была вопросом жизни и смерти.

– Он в третьем зале, – сказала Мадлен.

Там, где самые высокие ставки.

– Теперь тебе придется оставить меня, – сказал Белизариус.

Девушка разочарованно глянула на него.

– Мне необходимо некоторое время понаблюдать за ним, прежде чем разговаривать по делу.

Ее плечи поникли. Белизариус сунул ей в руки свой бокал и щедрые чаевые.

– Дай знать, если тебе еще что-то понадобится, – сказала она, улыбаясь не то чтобы невинно. – Ты мне нравишься взрослым, Бел.

– Обещаю.

Она рассмеялась очевидной лжи.

Миновав зал со средними ставками, Белизариус вошел в следующий, с самыми высокими.

Антонио дель Касаль сидел за столом, где играли дро в пять карт, глядя на розыгрыш. Подобно Белизариусу, его предки много поколений назад произошли из Колумбии. Однако в то время как в жилах предков Белизариуса столетиями текла афрокарибская и индейская кровь, дель Касаль унаследовал от предков светлую кожу колонизаторов, и лишь черные глаза и волосы выдавали небольшую примесь метисов.

Белизариус подошел к креслам на краю зала, поглядывая на играющих.

От карт исходило ощущение чистоты. Очевидная равномерность вероятностей была платонически девственна. По-

литика, насилие, человеческая глупость и богатство ничего не значили перед лицом вероятности. Так проявлялся в Белизариусе Homo quantus. Азартные игры были его родным домом.

А еще карты давали некое ощущение стабильности на протяжении долгих времен. К шестнадцатому веку в Европе уже были в ходу игральные карты, схожие с современными, а их современный канон, с четырьмя мастями по тринадцать карт в каждой, оформился в девятнадцатом. И после этого, подобно ящерицам и акулам, они отказывались эволюционировать, и не в силу своего очарования, а потому, что естественный отбор идеально адаптировал их к их социологической нише. Белизариусу было приятно являться частью чего-то стабильного, даже если она и существовала лишь в человеческом сознании.

Как разум со временем стал естественным атрибутом живого, так азартные игры стали естественным атрибутом разума. Интеллект появился как структура эволюционной адаптации, позволяя людям не только осознавать пространство и окружающий мир, но и предугадывать будущие события. А азартные игры служили тестом для этой машины предсказаний – настолько хорошим, что различали сознающее и несознающее куда лучше теста Тьюринга.

Белизариус никогда не верил в тест Тьюринга. Он зависел от имитации сознания, которой было бы достаточно, чтобы обмануть наделенное сознанием существо. Однако наделен-

ных сознанием существ обмануть весьма легко, и тест Тьюринга часто давал ложноположительный результат. Белизариусу доводилось играть против компьютеров и даже мощных ИИ, таких как Святой Матфей. Рано или поздно хороший игрок определит алгоритмы, заложенные программами, а Белизариус был очень хорошим игроком. Случайным образом меняя стиль игры и даже случайным образом меняя порог принятия решений, ИИ лишь маскировали лежащие в основе правила их работы, и лишь на время. Играть против любого компьютера и, если сказать шире, даже против Номо quantus в состоянии фуги означало не более чем играть против фиксированного набора алгоритмов, которые можно расшифровать.

Дель Касаль встал и двинулся к столу у бара с видом на главный зал. Белизариус пошел следом. Щелкающие вразнобой рулетки, голоса делающих ставки и сдающих, радостные крики и стоны доносились до бара, смешиваясь в подобие белого шума.

– Доктор, я надеялся получить возможность поговорить с вами, – сказал Белизариус на англо-испанском.

Дель Касаль оглядел Белизариуса. Внутри его глаз определенно заработали устройства дополненной реальности, но характерного поблескивания видно не было; конечно же, у дель Касаля были самые дорогие устройства, обеспечивающие передачу информации напрямую в зрительный центр мозга, без участия посредника в виде сетчатки. И он слегка

прищурился.

– Архона, – сказал он. – Ты был почти что мальчишка, когда я последний раз видел тебя в казино, и мне не кажется, что мы тогда разговаривали.

– Это так, – ответил Белизариус, взяв у официанта бокал и подходя ближе.

– Ты Homo quantus, – продолжил дель Касаль, удивленно приподняв бровь, – хотя и не лучший из них, раз ты здесь, среди нас.

Белизариус приподнял бокал.

– В квантовой фуге нет двух вещей – скотча и женщин.

Дель Касаль улыбнулся и приподнял свой бокал.

– Но помогает ли фуга в картах? – спросил он.

– Квантовое восприятие в целом дает контринтуитивные результаты, именно поэтому инвесторы не ломаются на Гаррет и не швыряют нам кучи денег.

– Поэтому мне и интересно, зачем ты здесь и хочешь поговорить со мной, – медленно сказал дель Касаль. – Десять лет назад ты был партнером Уильяма Гэндера.

– У вас хорошие источники информации.

– Подписка на сервисы сбора информации окупается.

– Я некоторое время не работал с Гэндером.

– Он сейчас за решеткой, – сказал дель Касаль. – Полагаю, надурил не того человека.

– А я сейчас занимаюсь предметами искусства другого мира.

– Да, хотя я сомневаюсь, что ты здесь, чтобы предложить мне предметы искусства, – ответил дель Касаль.

– Я почитатель вашего таланта. У меня есть проект, в котором могут пригодиться ваши умения, и я плачу куда выше рыночного уровня.

– Хороших генетиков хватает, – сказал дель Касаль.

– Но не для такой работы.

Дель Касаль прищурился.

– Возможно, нам лучше найти местечко потише, – сказал он. – У меня есть квартира при казино.

Белизариус пошел следом за дель Касалем, покидая игровые залы, мимо ресторанов, а затем по мостику через ручей. В воде поблескивали биолюминесценцией кувшинки и рыбы, светясь показной роскошью. Мозг Белизариуса выискивал закономерности. Вспышки биолюминесценции не были связаны с механическим воздействием. Растения и рыбы светились каскадами переливающихся цветов. Закономерности были восхитительны, но содержали в себе немало информации. Простая система сигналов, управляющая экосистемой и скрывающаяся за тем, что обычный посетитель принимал за световое шоу. Наверняка работа дель Касалья. А что же тут за сигнал?

Они дошли до сада, заполненного прозрачными и переливающимися, будто ртуть, растениями, поднимающегося вверх по пологому склону из спеченного реголита. Еще одна лестница со ступенями из растений с твердыми листьями

вела на галерею.

– Ваша работа? – спросил Белизариус.

– «Лануа» поставили себе целью стать одним из лучших казино всей человеческой цивилизации, – ответил дель Касаль. – А это требует, чтобы его красота была уникальна.

– Эти листья, – сказал Белизариус, касаясь одного из них пальцем и пробуя на твердость, – это стекло?

– Я ввел в них гены экстремофильных бактерий, растворяющих силикаты, – ответил дель Касаль. – Создал биохимический транспорт этих силикатов и механизм депозитирования, похожий на тот, который используют жемчужницы, создавая раковины и жемчужины. Они хрупки и прекрасны, но им не сравниться в сложности с Homo quantus.

– Вы их почитатель?

– Мастерства, да, – ответил дель Касаль. – Но не цели проекта.

– В этом мы с вами сходимся.

Белизариус не стал спрашивать насчет серебристых растений, окаймляющих лестницу. Они светились иначе, еле заметно, на всем пути в квартиру дель Касаля. Тот открыл дверь и вошел внутрь. Вместо потолочных светильников наверху были светлячки, дававшие мягкий свет, будто звезды на небесном куполе. Дель Касаль пересек комнату и достал из стойки бутылку вина. Белизариус закрыл дверь и замер.

– Снова ваша работа? – спросил он.

– Я создаю красоту, когда требуется красота, но природа,

в первой очередь, жестока и агрессивна, с когтями и зубами, – ответил дель Касаль, вытаскивая из бутылки пробку.

Стены по обе стороны от Белизариуса были покрыты чем-то напоминающим кожуру кактуса, но иглы, длинные, толщиной в палец, были направлены на него.

– Длинные зубы эти, – сказал Белизариус. – Звериные?

Дель Касаль наполнил один бокал, но второй оставил пустым. Отпил и обернулся.

– Только растительные, – ответил он. – Я добавил чувствительные в инфракрасном диапазоне фоторецепторы, дабы они были способны отслеживать... цели. Наросты в основании игл представляют собой пузыри под давлением, вроде тех взрывающихся капсул, которые некоторые растения используют, чтобы разбрасывать семена, однако ни одно природное растение не в состоянии достичь того давления, которое получил я. Если хотите понять масштаб, то это на уровне дымного пороха.

– А каков спусковой механизм?

Дель Касаль постучал пальцем по своей голове.

– Мои мысли передают радиосигнал через нейроимпланты. В основаниях наростов антенны, растущие в форме фракталов, в целях снижения размера. Они реагируют лишь на одну частоту, а остальное, как говорится, просто передача сигнала.

– Интересный способ приветствия.

– Иногда необходимый. Так что рассказывайте, Архона.

Зачем вы здесь? Вы же не арт-дилер.

– У меня есть работа. Крупная работа. И мне нужен генетик.

– Генетиков много.

– Но может ли кто-нибудь из них повторить вашу работу с Нуменами? – спросил Белизариус.

Дель Касаль долго смотрел на него в гробовом молчании.

– Теперь моя очередь хвалить *ваши* источники. За какую же мошенническую схему вы взялись, Архона?

– Мне необходимо проникнуть в Запретный Город и некоторые объекты систем безопасности Порт-Стаббса.

– Как?

– Я хочу, чтобы вы изменили человека так, чтобы он пах как Нумен.

От самих этих слов во рту будто остался неприятный вкус. Нумены были вторым из самых поносимых народов во всей человеческой цивилизации.

– Вы зря тратите мое время, – ответил дель Касаль.

– Я знаю, что вы занимались блокировкой феромонов у потомков сбежавших Нуменов.

– У меня получилось снизить выделение феромонов, по большей части за счет нарушения метаболических посредников. Но я никого не вылечил.

– Я хотел бы, чтобы вы попытались, и я могу предложить вам нечто особенное, – сказал Белизариус. – Настоящего Куклу, одного из изгнанников.

– Я думал, что изгнанниками становятся лишь мутанты, которые не способны распознать феромоны Нуменов.

– Я бы хотел, чтобы вы и его наладили. Он должен помочь нам проникнуть внутрь систем обороны Кукол.

Дель Касаль отпил вина.

– Исправить генетическую ошибку у Куклы и создать поддельного Нумена. Вы же не летели так далеко, не зная, что просите о невозможном? Лучшее, что можно сделать в обоих случаях, это создать правдоподобные подделки. Создатели всего этого сотворили совершенно новые органеллы с уникальной молекулярной и генетической структурой, а также совершенно новые симбиотические системы, изменяя биохимию, иммунитет и нейрорецепторы. Даже имея аутентичные образцы, я не смогу повторить ни Нумена, ни Куклу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.